

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время проблемы этнической психологии приобретают все большую актуальность. Острая необходимость в глубоком изучении этнических процессов современной истории связана с тем, что в условиях общей интернализации и универсализации общественной жизни возрастает этничность многих народов, которая выражается в их желании сохранения своих культурных ценностей, своего образа жизни. В настоящее время эти явления ведут к обострению межнациональных отношений, этническим конфликтам и этническому насилию. Поэтому изучение этнической психологии является важным направлением подготовки специалистов-психологов.

В пособии представлены работы ведущих авторов в области этнической психологии – Лебедевой Н.М., Левкович В.П., Солдатовой Г.У., Стефаненко Т.Г. и др. Поскольку этническая психология является междисциплинарной областью знания, были включены работы историков, философов, этнологов, социологов – Платонова Ю.П., Гумилева В.П., педагогов – Степановой Т.М. и др.

В хрестоматию включены тексты по основным разделам этнической психологии: «Этнопсихология как наука», «Национальный характер и ментальность», «Этническая идентификация личности», «Этническое самосознание», «Этнические стереотипы», «Социализация личности в этнопсихологии», «Этноцентризм и межэтнические конфликты», «Проблемы адаптации к межкультурному взаимодействию».

Главной целью учебно-методического пособия является повышение компетентности студентов в области этнопсихологии и подготовка их к деятельности в условиях межэтнического взаимодействия.

Данная хрестоматия будет способствовать повышению качества знаний студентов по данной отрасли научно-психологического знания; вызовет интерес аспирантов, преподавателей, интересующихся данной проблемой.

К ПОСТРОЕНИЮ НАУЧНОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

В.С. Агеев

Создать психологическую этнопсихологию, релевантную уровню развития современного психологического знания, а не заимствовать способы и стандарты обсуждения этнопсихологических проблем этнографами, социологами и другими — вот что требуется в первую очередь от профессиональных психологов, рискующих заниматься проблемами этнопсихологии. В этой связи мы хотели бы обрисовать три возможные перспективы развития этнопсихологических исследований.

Первое из возможных направлений — это анализ соотношения психологических и этнокультурных переменных. «Психология и культура» — так коротко можно обозначить это направление исследований. Главная задача здесь — выяснить закономерные связи между внутренним, психическим миром человека и миром внешним, предметным, социальным, этнокультурным. То, что в принципе между первым и вторым должны существовать закономерные, глубоко целесообразные, хотя и не всегда понятные, связи, вряд ли нуждается в специальном доказательстве. Именно логическая очевидность подобной связи стимулировала в прошлом возникновение как психологических, так и этнографических концепций, например психоаналитическую концепцию «Культура и личность» (Линтон Р., Мид М., Кардинер А. и др.) или упоминавшееся уже функциональное направление в этнографии.

Главный упрек в адрес этих концепций — упрощенное понимание самого термина «культура». Сведение этнокультурных переменных к чисто надстроечным явлениям, изъятие из них главного — материального базиса общества — вот та главная мишень, на которую была направлена долгие годы критика философов-марксистов. В результате сам термин «культура» (как социологическая, а не эстетическая категория), «культурология» и другие производные от этого корня резко упали в цене.

При этом очень важно выделить главные, ключевые проблемы в рамках этого направления, заслуживающие изучения в первую очередь. Такова, например, проблема национального характера. Несмотря на ряд исследований — советских и зарубежных¹, эта проблема продолжает оставаться открытой. Большое внимание специалистов привлекает сейчас проблема субъективной картины мира, восприятия пространства и времени. В этнографии, истории, культурологии имеется значительное количество блестящих исследований, особенно в связи с анализом так называемого архаического (первобытного) или традиционного сознания и др. Большой интерес представляет собой комплекс проблем, связанных с влиянием традиционных этнокультурных норм и ценностей на общение и взаимодействие людей — близких и далеких; равных и обладающих разным статусом, разного пола и возраста. Вскрыть закономерные связи между психологическими характеристиками

---

¹ Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971.
Triandis H.C. Psychology and culture // Ann. Rev. Of Psych. 1973. Vol.24.

взаимодействия людей и всей системы внешних, объективных характеристик данного общества, начиная с форм материального производства и кончая разнообразными формами его духовной и эстетической культуры, является одной из главных теоретических задач научной этнопсихологии.

Второе направление можно обозначить как «Сравнительно-культурный подход» к построению этнопсихологического знания. Мощный импульс к научному исследованию этого вопроса был дан в XIX в. в интенсивном развитии этнографии, антропологии и лингвистики, в результате чего перед изумленной Европой предстало множество самобытных этнических культур, которые хотя и были фактически «открыты» европейцами задолго до этого, но ранее интерпретировались просто как проявления отсталости и невежества. Представители академической психологии были далеко не первыми в изучении этой проблемы. Однако в середине XIX века и в самой психологии возникает интерес к широкой вариабельности психологических феноменов в различных этнических сообществах.

В общей массе сравнительно-культурных исследований, выполненных с того времени за рубежом, можно условно выделить две прямо противоположные тенденции. Первая из них заключается в усилении различий между культурами в сфере психического, вторая — в сходстве. В первом случае акцент делается на чрезвычайно широкой вариабельности психических проявлений в условиях различных культур, во втором — отстаивается универсализм, единство психики, в основе своей инвариантной по отношению к возможным различиям в культуре. Крайним полюсом первой тенденции является абсолютизация различий между культурами и культурно обусловленными различиями в содержании и структуре психических процессов. Крайность другого рода — отрицание какой бы то ни было специфики и игнорирование различий между культурами и соответствующими различиями в сфере психического. Примерами первой тенденции могут служить уже сравнительные исследования восприятия и других познавательных процессов У. Риверса (1905), гипотеза лингвистической относительности Сэпира-Уорфа (1977), противопоставление «пралогического» мышления «туземцев» «нормальному» мышлению европейцев Л. Леви-Брюлем (1930), этнопсихологические концепции культурного релятивизма². Примерами второй — все те исследования, которые за пестротой и несходством отдельных психических проявлений стремятся увидеть общие, универсальные механизмы, не подверженные влиянию культурных факторов. Такова, например, направленность целого цикла сравнительно-культурных исследований признанного авторитета в этой области Г. Триандиса (1964; 1973), таков общий пафос работ выдающегося французского этнографа К. Леви-Строса (1983), к таким же выводам фактически склоняются американские исследователи Дж. Брунер (1977), М. Коул и С. Скрибнер (1977).

Третье направление может быть обозначено как «Взаимодействие культур». Если первое направление концентрирует внимание на внутренних взаимосвязях

---

² Леви-Строс Л. Указ. Соч. М., 1983.

социального и психологического в рамках одного и того же этноса, а второй — на сравнении между собой одних и тех же психологических переменных в различных этносах, то сейчас речь идет о проблемах непосредственных межэтнических контактов. Каковы главные итоги взаимодействия и взаимопроникновения культур? Каковы последствия этих контактов — психологические, социальные, культурные? В современных условиях все более интенсивного международного сотрудничества эти вопросы приобретают особую остроту и актуальность.

Несмотря на то, что ряд собственно психологических проблем, относящихся к третьему направлению, изучался в рамках других дисциплин — этнографии, демографии, социологии и др., в настоящее время наблюдается явный рост интереса к этим проблемам и в среде профессиональных психологов. Одной из таких проблем является проблема этнических стереотипов, этнических предрассудков, этнической предубежденности. В последнее время появился целый ряд работ, с разных сторон затрагивающих эту важную проблему³. Этнографы и социологи очень много сделали в том, что касается качественного описания и распространенности этнических стереотипов. Менее ясны психологические механизмы, лежащие в основе формирования стереотипов и обуславливающие их содержательные, структурные и динамические особенности. Социальные функции стереотипов более понятны, чем их психологические функции. Социальные предпосылки и последствия этноцентризма более понятны, чем его психологическая подоплека. Все это означает лишь одно: необходимы специальные психологические исследования этого вопроса с использованием собственно психологических средств анализа.

Важной проблемой является проверка так называемой «гипотезы контакта», согласно которой непосредственное взаимодействие между представителями различных групп снижает этноцентризм и стереотипность оценок и суждений, создавая климат взаимопонимания и способствуя, таким образом, общему улучшению отношений между группами. Несмотря на кажущуюся очевидность и убедительность этой гипотезы, проблема значительно сложнее. Как следует из целого ряда специальных исследований, далеко не все и не всякие контакты между представителями различных групп однозначно и прямо ведут к улучшению отношений. В ряде случаев предшествующая напряженность в межэтнических отношениях, недостаток информированности друг о друге, отрицательные установки, наполненные этноцентризмом и предубежденностью, могут привести к прямо противоположному результату — к усилению антагонизма и враждебности.

Еще одна проблема, иллюстрирующая третье направление этнопсихологических исследований, — проблема этнической идентичности личности в условиях взаимодействия и взаимопроникновения культур. Эта проблема имеет, так же как и упомянутые выше, огромное теоретическое и практическое значение. Какова роль этнической идентичности в структуре

---

³ Дейкер Х., Фрейда Н. Национальный характер и национальные стереотипы // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979; Кцова Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // психологический журнал. 1986. №2

самосознания личности? Как меняется этническое самосознание в условиях межэтнических контактов? Как адаптируется личность к новым этнокультурным условиям?

Изложенное отражает взгляд на возможную картину этнопсихологических разработок изнутри, с точки зрения собственной логики и потребностей развития самой науки. Но не меньшее, если не большее значение имеют для этого развития и потребности практики. Что касается именно этнопсихологических знаний, то сегодня эти потребности исключительно велики. Начиная с прогноза крупномасштабных, глобальных тенденций развития национальных отношений у нас в стране и за рубежом и кончая совершенно конкретными вопросами, связанными, например, с необходимостью учета этнокультурной специфики в процессе массовой компьютеризации.

Необходимы также дальнейшее уточнение междисциплинарного статуса этнопсихологии и анализ вытекающих из этого последствий. Необходим, безусловно, здесь полностью опущенный специальный анализ методов этнопсихологического исследования. Изложенные здесь соображения о статусе этнопсихологии, причинах отставания этнопсихологии и возможных направлениях исследований ни в коей мере не претендуют на полноту и завершенность, напротив, все это нуждается в коллективном обсуждении широкого круга заинтересованных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев В. С. К построению научной этнопсихологии // Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 105—117.

ЭТНОГЕНЕЗ И БИОСФЕРА ЗЕМЛИ. КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОГЕНЕЗА⁴

Л.Н. Гумилев

Создавая свою теорию этногенеза, Гумилев положил в ее основу в качестве главного постулата тезис о природно-биологическом характере этноса, обусловленного тем, что он является составной частью биоограниченного мира планеты и возникает в определенных географических и климатических условиях. Гумилев определяет этнос как биофизическую реальность, а потому весь механизм этногенеза он ищет в реальных природных процессах, которые протекают в ней. А это гигантские по своим масштабам процессы, в значительной мере сформировавшие весь современный облик нашей планеты, сравнимые по затратам энергии с величайшими геологическими процессами. В.И. Вернадский назвал эту энергию биохимической энергией живого вещества биосферы. Она

---

⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.

Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. С. 304.

есть не что иное, как преобразованная энергия Солнца, космоса и радиоактивного распада в недрах Земли. Биосфера купается в потоках энергии, она открыта космосу и чутко реагирует на энергетические всплески, происходящие там. В этом заключается причина загадочных на первый взгляд взрывов популяций — стай саранчи, леммингов и т.д. Подобные же влияния испытывает и человек, реакция на них становится заметной на уровне этносов. В некоторых случаях энергетическая вспышка становится началом процесса этногенеза.

Гипотеза Гумилева заключается в предположении, что несколько раз за тысячелетие поверхность нашей планеты подвергается воздействию определенного типа космического излучения, которое вызывает пассионарный толчок, т.е. мутацию гена человека, отвечающего за восприятие энергии организмом из внешнего мира. Особенность этих толчков заключается в их кратковременности. За последние 3 тыс. лет было достоверно зафиксировано 9 пассионарных толчков: 4 до нашей эры и 5 за последние два тысячелетия.

Суть явления пассионарности состоит в том, что до мутационных изменений человек получает из окружающего мира ровно столько энергии, сколько ему необходимо для нормальной жизнедеятельности. При пассионарном толчке, вызывающем мутацию этого гена, человек становится способным воспринять значительно больше энергии, чем ему необходимо. Так образуется избыток энергии, который может быть направлен в любое русло. Такой человек будет обладать повышенной тягой к действию — пассионарностью. Эта избыточная энергия может быть направлена на организацию завоевательных походов, научных экспедиций, на создание новой религии или научной теории. Если же некоторое количество людей, обладающих этим признаком, соберется вместе, объединенные одной целью, и если при этом они находятся в благоприятных географических условиях — необходим разнообразный ландшафт — появляется зародыш нового этноса, начинается бурный процесс этногенеза, завершающийся через 130-160 лет возникновением нового народа.

Таким образом, процесс этногенеза Гумилев связывает с пассионарностью — образованием внутри старого этноса или нескольких этносов некоторого количества людей с повышенной тягой к действию. Это становится пусковым механизмом этногенеза. После этого этнос проходит ряд закономерных фаз развития, которые составляют цикл жизни этноса продолжительностью около 1,5 тыс. лет, если этнос не гибнет по внешней причине. Этногенез по Гумилеву — процесс получения однократного запаса энергии после вспышки космического излучения и дальнейшей его растраты в ходе развития этноса, пока последний не придет в состояние гомеостаза — равновесия с природой, при котором уровень пассионарности равен нулю. Фазы развития этноса связаны с определенными уровнями пассионарного напряжения, что внешне выражается в специфических для каждой фазы стереотипах поведения⁵.

---

⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 585.

После пассионарного толчка наступает *фаза подъема*, которая продолжается 200-300 лет. Она связана с экспансией нового этноса, который создают пассионарии, ставящие перед собой задачу создания нового сильного государства и идущие для этого на любые жертвы. Окружающие народы воспринимают новый этнос как общность крайне активных людей, появившуюся как бы вдруг на месте нескольких незначительных племен и активно отстаивающие свои интересы, часто за счет соседей. Основной императив поведения в этой фазе: «Будь тем, кем ты должен быть». Примером могут служить все молодые народы: предки современных англичан и французов в IX веке, монголы в XII веке и т.д.

Затем наступает *акматическая фаза*, в которой пассионарное напряжение достигает высочайшего уровня за счет большого количества пассионариев, которые думают уже не столько об общих целях, сколько о своих личных интересах. Рост индивидуализма в сочетании с избытком пассионарности часто вводит этнос в состояние пассионарного перегрева, когда избыточная энергия, тратившаяся в фазе подъема на бурный рост и экспансию, уходит на внутренние конфликты. Эта фаза, продолжающаяся следующие 300 лет, - одна из самых тяжелых в жизни этноса, так как это период гражданских войн, культурных потерь. Основной императив поведения в это время: «Будь тем, кем я хочу». Люди хотят уже не общего блага, а только своего. Обычно это связано с тем, что глобальная цель предыдущей фазы — создание великого государства — уже достигнута. Примером может служить Европа периода феодальной раздробленности или Россия периода Смутного времени. В конце концов большая часть пассионариев истребляет друг друга, что вызывает резкое падение уровня пассионарного напряжения в этносе. Это падение связано также с тем, что ушедшие пассионарии замещаются не гармоничными особями, а субпассионариями — людьми, не способными воспринять даже нормы энергии, необходимой для полноценной адаптации к среде. Люди такого типа хорошо известны — это бродяги, люмпены, босяки, бомжи.

Появление этих признаков означает наступление *фазы надлома* — кризисной фазы, продолжающейся 200 лет. Жизнь в фазе надлома очень тяжела. Господствующий императив в этой фазе – «Мы устали от великих!».

После пережитых потрясений люди хотят покоя, и это говорит о том, что этнос перешел в следующую — *инерционную фазу*. В ней наблюдается некоторое повышение, а затем плавное снижение уровня пассионарного напряжения. Идет укрепление государственной власти, социальных институтов, интенсивное накопление материальных и духовных ценностей, активное преобразование окружающей среды. В этносе доминирует тип «золотой посредственности» — законопослушного, работоспособного человека. Господствующий императив «Будь таким, как я!» означает, что люди наконец-то понимают, что именно индивидуальности, пытающиеся проявиться во всей своей оригинальности, представляют наибольшую опасность для соседей. Примером служит

современная Западная Европа, Киевская Русь XI — XII веков. Уровень пассионарного напряжения этноса постепенно снижается, что влечет неизбежный упадок, скрытый вначале за маской процветания.

Важной причиной кризиса обычно бывает резко возросшее воздействие цивилизации на природу, которая в конце концов не выдерживает этой нагрузки. Недаром все крупнейшие цивилизации древности оставили после себя в прямом смысле слова пустыни, занявшие место прежних плодородных земель (Вавилон, Египет и др.). наступает *фаза обскурации* — старости этноса. Это происходит, когда возраст этноса составляет 1100 лет. В это время пассионарное напряжение падает до отрицательных величин за счет появления значительного числа субпассионариев, что делает невозможной никакую конструктивную деятельность, и этнос существует за счет прежних запасов. В результате общественный организм начинает разлагаться: распространяется преступность, к власти приходят циничные авантюристы, играющие на настроении толпы. Численность этноса и его территория значительно сокращаются, он может легко стать добычей более пассионарных соседей. Меняется императив поведения: «Будь таким, как мы», причем определяют его отныне люди невротические и нетрудолюбивые, эмоционально и умственно неполноценные, но при этом обладающие повышенными требованиями к жизни. Всякий рост становится явлением исключительным, трудолюбие повергается осмеянию. Классические примеры — Рим эпохи поздней империи, Китай с XVII века.

Фаза обскурации предшествует гибели этнической системы или переходу ее к состоянию гомеостаза. Иногда бывает возможна *фаза регенерации* — временное становление этнической системы после обскурации за счет сохранившейся на окраинах ареала пассионарности. В любом случае это короткий всплеск активности накануне завершения процесса этногенеза, которым является *мемориальная фаза*. В этой фазе этническая система уже утратила пассионарность, и лишь отдельные ее члены продолжают сохранять культурную традицию прошлого. Память о героических деяниях предков живет в фольклоре, легендах. Такую картину можно увидеть у киргизов Тянь-Шаня, индейцев пуэбло и других, некогда могучих этносов, превратившихся в малочисленные племена. Кристаллизованная пассионарность — искусство спасло их от растворения среди соседей, от ассимиляции и связанных с ней унижений. Если соседи не будут нападать, то остатки этноса будут меняться, превращаться в гостеприимных и доброжелательных людей. Они продолжают терять память о прошлом, а вместе с ней и ощущение времени. На конечном этапе они ограничиваются констатацией времен года и даже просто дня и ночи. Так живут чукчи — прекрасные охотники, обладающие развитой мифологией⁶. Эти этносы живут в контакте с более пассионарными соседями, которые держат их в форме. Если же этого не будет, то остатки этноса смогут просто вымереть из-за отсутствия желания жить.

---

⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 536.

Переход от мемориальной фазы к законченной форме этнического гомеостаза имеет плавный характер и выглядит как постепенное забвение традиций прошлого. Жизненный цикл повторяется из поколения в поколение; этнос состоит целиком из гармоничных людей, лишенных потребности что-либо менять в жизни.

В таком состоянии этнос может существовать долго, если не станет жертвой агрессии, стихийного бедствия или не будет ассимилирован. Так живут народы Австралии, Крайнего Севера, пигмеи Центральной Африки. Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В.П. Левкович, Н.Г. Панкова

В литературе нет достаточно четкой дифференциации таких понятий, как этническое сознание и этническое самосознание. В одних работах эти понятия употребляются как синонимы, в других — соподчиняются совершенно произвольно. Одним из возможных подходов к решению этого вопроса представляется рассмотрение этнического сознания и этнического самосознания под углом зрения специфики отражаемой ими реальной действительности.

Этническое сознание представляет собой систему взглядов, идей, представлений этнической группы, возникших на основе взаимодействия с другими этническими группами и отражающих ее знание о них, отношение к ним, а также состояние и формы самовыделения своей этнической группы

Этническое сознание и самосознание представляет собой однопорядковые, но не тождественные явления. В действительности, в жизнедеятельности этнической группы они выступают как нерасчленимое целое, как формы отражения этносом своего единства и отличия от других этнических групп. Поэтому расчленение этнического сознания и самосознания возможно лишь в абстракции, как методический прием, необходимый для их детального изучения.

Этническое сознание — это одна из форм отражения этносом наличия других этнических групп и отношения к ним. Возникновение этнического сознания связано со способностью этнической группы выделять себя из других этнических групп. Эта способность предполагает формирование у данной этнической группы сложной системы образов, отражающих особенности другой этнической группы и эмоциональное отношение к ней, что предопределяет восприятие представителя другой этнической группы.

Этническое самосознание возникает и развивается в рамках этнического сознания. Как и самосознание индивида, которое «не есть самостоятельное

явление психики, оно — то же сознание, только с иной направленностью»⁷, этническое самосознание — это то же этническое сознание, но направленное на другой объект. Осознание особенностей других этнических групп предполагает осознание специфики своей группы. Представление этнической группы о себе как об особой реальности дает ей возможность смотреть на себя как на особый объект. Способность этнической группы к самоотражению есть этническое самосознание, которое объективизируется в языке этнической группы в системе народных обычаев и традиций, в преданиях, легендах, мифах, поверьях, приметах, предрассудках, национальных вкусах, стилях и т.д. Отражение особенностей собственной этнической группы осуществляется в форме построения ряда субъективных образов, нередко препятствующих созданию объективного представления о собственной группе.

Обособление одной этнической общности от других предполагает наличие контактов между ними, в результате которых этносы получают определенную информацию друг о друге. На основе этой информации формируются этнические стереотипы, которые представляют собой осознание характерных, с точки зрения данного этноса, признаков других этнических групп. Это осознание осуществляется в форме построения образа чужой этнической группы («они»).

Из-за ограниченности межэтнического общения познание другой этнической группы нередко осуществляется на основе абсолютизации и переноса черт, свойственных отдельным ее представителям, на этнос в целом. В результате формируется лишь приблизительное, упрощенное представление об основных свойствах и признаках другой этнической группы. Ю.В. Бромлей подчеркивает, что этническое сознание «не только абсолютизирует некоторые действительно имеющиеся этнические свойства, но и склонны приписывать как «своему», так и «чужим» этносам несуществующие черты».

Феномен этнического самосознания связан с осознанием этноопределяющих элементов материальной, социальной и духовной культуры. Ключевым моментом этнического самосознания является идентификация индивидов с определенной этнической общностью, которая проявляется в самоназвании. К нему примыкает комплекс идей или представлений, образующий систему этнодифференцирующих символов, служащих для выделения членов своей группы из всей совокупности этнических общностей. Самоназвание, как и все другие компоненты этнического самосознания, — категория историческая. На различных этапах исторического развития общества оно имеет различное содержание. Соответствующим образом изменяется и концептуальное обоснование идентификации. В первобытном обществе в основе целостности социальных организмов лежит идея общности происхождения, которая проявляется в системе непосредственных кровно-родственных связей. Укрупнение общностей, развитие связей между ними приводит к формированию этносоциальных организмов, у которых целостность выражается через идею

---

⁷ Чесноков И.И. Проблемы самосознания в психологии. М., 1997.

территориальной общности, «родной земли». Территориальная общность побуждает к установлению хозяйственных и других связей, ведущих к нивелировке языковых и культурно-бытовых различий, т.е. к формированию единого языка и культуры контактирующих этнических общностей, следствием которых выступают языковое единство, общая культура и т.д.⁸

В современную эпоху большое значение для формирования этнического самосознания играют исторические факты. Распространение грамотности в широких слоях населения и деятельность средств массовой информации делают доступными для широких масс населения эти исторические факты, и они начинают играть роль этнических символов. Ю.В. Бромлей назвал это явление «этническим парадоксом», так как этническое самосознание укрепляется, несмотря на ослабление этнических свойств такого главного объективного носителя этнического самосознания, как культура, которая в наши дни имеет тенденцию к унификации⁹.

Важным компонентом этнического самосознания является осознание группой своего морального и психологического единства. Источником формирования психологической общности этноса наряду с другими элементами духовной культуры могут выступать обычаи и ритуалы. К обычаям относятся исторически сложившиеся, стереотипные формы массового поведения, которые представляют собой стандартные действия, воспроизводимые в неизменном виде в течение длительного исторического времени. Формой проявления обычая является ритуал (обряд), характерной особенностью которого является то, что в нем «способ исполнения действия лишен непосредственной целесообразности и служит лишь обозначением (символом) определенного социального отношения (существующего социального порядка, признания каких-либо ценностей или авторитетов и т.д.)»¹⁰. В обычае действия подобного рода сочетаются с действиями непосредственно целесообразными, направленными на практическое преобразование и использование какого-либо объекта. Обычаи и ритуалы обладают способностью к укреплению групповой интеграции. Сплочение этнической группы, способствующее укреплению ее этнического самосознания, может осуществляться в различных ритуальных действиях.

Главным моментом в любом обряде является не то, ради чего собираются его участники, а именно фактор общения, приводящий к единству чувства и действия индивидов, укрепляющий моральное единство группы. Сущность обряда Дюркгейм видел в его способности вызывать у собравшихся одни и те же психические состояния, которые «зависят от того факта, что группа собралась, а не от специальных причин, из-за которых она собралась». Главным в ритуале является объединение группы одной мыслью и одним действием. Способность осознания себя этносом как единого целого в процессе ритуальных действий

⁸ Крюков В.М. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6. С. 53-63.

⁹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 280.

¹⁰ Философская энциклопедия. 1967. Т. 4. С. 512-513.

обеспечивается за счет их большого психологического воздействия. Ритуал воплощает некоторые состояния общественного сознания и потому способствует организации индивидуальных чувств. Посредством ритуала общество не только направляет в единое русло индивидуальные переживания, приводя их в соответствие с определенной ситуацией, но и обеспечивает специфический способ выражения индивидуальных чувств у членов этнической общности.

Этническое сознание не только содержит знание об особенностях своей этнической группы, но и пронизано сложной тканью эмоциональных переживаний, органически включенных в его структуру. Самоотражение этнической группы, сопровождаясь переживанием отражаемых этнодифференцирующих признаков, проявляется в целой гамме чувств, непосредственно связанных с членством в этнической группе. По отношению к своей этнической группе чаще характерны позитивные чувства, выражающиеся в основном в любви, восхищении и др. Однако позитивные этнические чувства к собственной этнической группе не исключают критического отношения к устаревшим, мешающим прогрессу явлениям и сторонам жизни, проявляясь в элементах фольклора (пословица, анекдотах и пр.). Ведущее место среди позитивных этнических чувств занимает такое гражданское чувство, как чувство национальной гордости, которое способствует удовлетворению важнейшей потребности индивида в самоуважении. Для поддержания чувства гордости за свою страну, свой народ используются приемы сакрализации и дополнения информации. Возникает стремление отодвинуть происхождение своего народа как можно дальше вглубь истории, найти для него «именитых» предков, оттенить национальных врагов и более выпукло показать «национальных героев».

Формирование этнического сознания требует постоянных усилий и внимания в любом обществе, независимо от его принадлежности социально-экономической формации.

ЛИТЕРАТУРА

Левкович В.П., Панкова Н.Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 138-153.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Т.М. Степанова

При всем многообразии подходов к определению понятия «социализация» мы будем основывать на положении о том, что человек как общественный деятель — один из факторов, продуцирующих условия и обстоятельства как собственной, так и общественной жизни в целом. Личность выступает и как объект, и как субъект социального взаимодействия, т.е. общество влияет на личность с

помощью определенных механизмов, а индивид оказывает влияние на общество. Г.М. Андреева также подчеркивает, что «социализация — двусторонний процесс, включающий, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, в систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду»¹¹. Человек не только усваивает социальный опыт, но и преобразует его в собственные ценности, установки, ориентации.

В социализации выделяют две фазы — социальная адаптация и интериоризация. Социальная адаптация означает приспособление индивида к социальным, экономическим условиям, ролевым функциям, социальным нормам и среде его жизнедеятельности. Интериоризация — это процесс включения социальных норм и ценностей во внутренний мир человека, освоение этого мира. На процесс социализации оказывают влияние различные факторы. А.В. Мудрик выделяет три группы факторов:

— *Макрофакторы* (космос, планета, мир, страна, общество, государство). Они оказывают влияние на социализацию всех жителей планеты или очень большой группы людей, живущих в определенных странах. Это влияние опосредовано двумя другими группами факторов.

— *Мезофакторы* – условия социализации больших групп людей, выделяемых по этнической принадлежности, по месту и типу поселения, в котором они живут, по принадлежности к аудитории тех или иных сетей массовой коммуникации. Мезофакторы влияют на социализацию как прямо, так и опосредованно, через факторы третьей группы.

— *Микрофакторы* (семья, общество сверстников, микросоциум и другие социальные институты).

Называя этнокультурные условия среди факторов социализации, А.В. Мудрик отмечает, что «этнос можно рассматривать как фактор социализации разного уровня»¹². В так называемых национальных государствах, где подавляющее большинство жителей принадлежит к одному этносу, он — макрофактор. В государствах федеративного устройства, где проживают многочисленные этносы, имеющие собственную государственность, — мезофактор А в случае, когда какой-либо этнос представляет компактно проживающее национальное меньшинство, он — микрофактор.

Проблема социализации детей и подростков в различных этнокультурных условиях исследовалась представителями разных научных направлений. В начале 20-го века были проведены первые исследования этнографов, направленные на изучение семейно-родственных отношений различных племен и народов. Немецкий этнограф Г. Плосс опубликовал в 1911-1912 гг. двухтомный труд, содержащий сравнительный анализ воспитания детей у разных народов. Позднее,

¹¹ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1987. С.86.

¹² Мудрик А.В. Социализация и «смутное время». М., 1991. С. 26.

уже в 20-е гг., под влиянием фрейдизма этнографы выдвигают на первый план изучение особенностей формирования личности ребенка в различных культурах. Б. Малиновский, Ф. Боас, его ученицы Рут Бенедикт и Маргарет Мид являются основоположниками этнографии детства. Их заслуга в том, что на протяжении десятилетий они исследовали статус ребенка и особенности его социализации у разных народов. С 1954 г. супруги Уайтинги вели уникальное исследование поведения детей и подростков «Проект шести культур», охватывающий Филиппины, Индию, США, Мексику, Японию, Кению. Определенный интерес представляет работа И. Кона по исследованию традиционных форм воспитания детей и подростков у народов Азии.

Результатом проводимых в XX в. исследований стал вывод о том, что проблема социализации личности решается эффективнее, если рассматривать проблемы воспитания не абстрактной личности, находящейся вне времени и пространства, а человека, живущего в определенной этнической среде и на конкретном этапе развития общества, учитывать этнокультурные условия, под которыми понимается «своеобразие национального состава, его однородность или пестрота, особенности истории народа, соотношение коренного и «пришлого» населения, его традиций, культуры и искусства».

Представляет интерес рассмотрение трех моделей социализации личности в зависимости от характера этнокультурной среды: однородная этническая среда; полиэтническая среда; иноэтническая среда.

Человек, рождаясь, уже принадлежит к определенному этносу. По мере взросления он вступает во взаимоотношения с другими представителями своего этноса, постепенно овладевая языком, культурой, обычаями, традициями народа. На основе этого формируется этническое самосознание. Этническое сознание формируется в процессе семейного воспитания. Этнопсихологические особенности обнаруживаются именно в деятельности, в поведении, поступках человека. Как отмечает Л.Н. Гумилев, «этнические различия ощущаются по принципу это мы, а все прочие — иные», их проявление лежит на грани бессознательного. Представитель той или иной этнической общности предрасположен мыслить, чувствовать, действовать так, как ему диктуют народные традиции, установившиеся нормы и правила поведения.

В настоящее время на карте мира преобладают многонациональные и разноязычные государства. Уже невозможно разойтись по «национальным квартирам» - слишком тесен мир, сильна миграция, идет интенсивный процесс смешения рас и народов. Современные народы вынуждены жить рядом и вместе. «Невозможно привести к единству все нормы и ценности народов разных культур, но возможно сделать их совместимыми путем общения, соблюдения основных норм поведения», — утверждает Питирим Сорокин¹³. Народы должны воспитывать в каждом человеке уважение к правам живущих рядом людей.

---

¹³ Сорокин П. Причины войны и мира // Социологические исследования. 1993. №12. С. 140-148.

Принцип равенства наций становится не просто декларацией доброй воли, а условием выживания народов — больших и малых.

Проблема ресоциализация личности в новых иноэтнических условиях в последнее время приобретает все большую остроту в связи с усилением миграционных процессов, возникновением таких групп, как беженцы, переселенцы. Важным является процесс адаптации и интеграции этих людей в новое этнокультурное пространство. В таких условиях особенно страдают дети, так как социализация ребенка существенно изменяется. Незнание языка и культуры страны приводит к тому, что дети чувствуют себя неловко, отстают от других учеников. Стремление же сохранить свою собственную идентичность, приверженность прежним ценностям обостряет их взаимоотношения в школе.

Знание этнокультурных условий социализации, механизмов освоения индивидом социального наследия народов позволяет педагогам, психологам лучше понять особенности поведения, действий и поступков представителя того или иного этноса и применять адекватные способы и методы организации воспитательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Степанова Т.М. Этнокультурные условия социализации // Социально-педагогическая работа. 1999. № 2. С. 9-15.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ И У РАЗНЫХ НАРОДОВ

Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко

Именно с изучением проблем социализации связаны наибольшие достижения этнопсихологии. Ее современные сравнительно-культурные исследования охватывают широкий круг тем, которые условно можно разделить на четыре группы:

- Изучение процесса социализации, ее средств, методов и специфических способов освоения детьми культуры своего народа.
- Исследование взаимосвязи между воспитанием детей и другими аспектами жизнедеятельности общества. Особое внимание уделяется социальным институтам, определяющим цели и средства воспитания и контролирующим его результаты.
- Сравнение обусловленных культурой непосредственных результатов социализации. В этом случае исследователей интересует, чем отличаются дети, выросшие в разных социокультурных средах, каковы их ценности, идеалы, стереотипы поведения.
- Изучение отдаленных результатов социализации, т. е. присущей культуре взаимосвязи между методами воспитания и характером взрослого человека.

Но какие бы проблемы ни изучались, все они связаны с вхождением ребенка в культуру своего народа — *инкультурацией*, если воспользоваться термином, который

ввел американский культурантрополог М. Херсковиц. Разделяя понятия социализации и инкультурации, под первым он понимает интеграцию индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей. А в процессе инкультурации, по его мнению, индивид осваивает присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур. Процесс инкультурации начинается с момента рождения — с приобретения ребенком первых навыков и освоения речи, а заканчивается, можно сказать, со смертью. Он совершается по большей части не в специализированных институтах социализации, а под руководством старших на собственном опыте, т. е. происходит научение без специального обучения. Конечный результат процесса инкультурации — человек, компетентный в культуре — в языке, ценностях и т. п. Однако Херсковиц особо подчеркивает, что процессы социализации и инкультурации проходят одновременно, и без вхождения в культуру человек не может существовать и как член общества.

Херсковиц выделяет два этапа инкультурации, единство которых на групповом уровне обеспечивает нормальное функционирование и развитие культуры. Первый этап инкультурации — *детство*, когда происходит освоение языка, норм и ценностей культуры. Взрослые, применяя систему наказаний и поощрений, ограничивают его права выбора или оценки. Хотя «инкультурация индивида в первые годы жизни — главный механизм стабильности и непрерывности культуры», она не может привести к полному повторению предыдущих поколений. Результат процесса инкультурации может находиться в любой точке континуума между точным и безусловным освоением культуры новым поколением (с едва уловимыми различиями между родителями и детьми) и полной неудачей в ее передаче (с детьми, абсолютно не похожими на родителей).

Так как вхождение индивида в культуру не заканчивается с достижением совершеннолетия, Херсковиц выделяет второй этап инкультурации — *зрелость*. Инкультурация во взрослом возрасте носит прерывистый характер и касается только отдельных фрагментов культуры — изобретений, открытий, новых, пришедших извне, идей. Основная черта второго этапа — возможность для индивида в той или иной мере принимать или отбрасывать то, что ему предлагается культурой, возможность дискуссии и творчества. Поэтому инкультурация в период зрелости открывает дорогу изменениям и способствует тому, чтобы стабильность не переросла в застой, а культура не только сохранялась, но и развивалась.

В настоящее время в этнопсихологии используются и другие понятия — этническая социализация и культурная трансмиссия. Понятие «этническая социализация» используется в возрастной психологии для обозначения «процессов развития, которые приводят к тому, что у детей формируется поведение, восприятие, ценности свойственные одной из этнических групп, и они начинают рассматривать себя и других людей членами подобных общностей». Рассматриваемая на групповом уровне *культурная трансмиссия* включает в себя

процессы инкультурации и социализации и представляет собой механизм, с помощью которого этническая группа «передает себя по наследству» своим новым членам, прежде всего детям. Используя культурную трансмиссию, группа может увековечить свои особенности в последующих поколениях с помощью основных механизмов научения. Обычно выделяются три вида трансмиссии: вертикальная трансмиссия, в процессе которой культурные ценности, умения, верования передаются от родителей к детям; горизонтальная трансмиссия, когда от рождения до взрослости ребенок осваивает социальный опыт и традиции культуры в общении со сверстниками; непрямая трансмиссия, при которой индивид обучается в специализированных институтах социализации (школах, вузах), а также на практике — у окружающих его помимо родителей взрослых (родственников, старших членов общины, соседей и т. п.).

Обращая особое внимание на социализацию маленьких детей, культурантропологи и психологи интересуются и другими ее этапами. Они давно обратили внимание на вариативность как стилей воспитания, так и его результатов в другой важный для развития личности и для стабильности общности период — период включения индивида в мир взрослых.

Так как период отрочества, как и любой другой в жизненном цикле человека, соотносится не столько с календарным возрастом, сколько с формированием новой социальной идентичности, в разных этносах не совпадают даже его временные границы: «для пятнадцатилетнего древнего грека еще продолжалось детство, для украинца и туркмена начиналась молодость, а чуваш считался уже «полным мужиком». А в постиндустриальном обществе наших дней период отрочества покрывает «практически все десятилетие между 10 и 20 годами».

Не менее вариативно и содержание отрочества, поскольку идентификация человека с возрастной группой детерминирована многими социальными факторами, в том числе особенностями его включения в хозяйственную деятельность. Так, период вхождения во взрослую жизнь очень короток в обществах с присваивающим хозяйством, где ребенок с раннего возраста включался в посильный труд, а годам к девяти-десяти осваивал основные навыки добывания пищи

А в условиях общинно-родового строя среди обрядов перехода, которыми отмечались моменты изменения социальной идентичности человека от рождения до смерти, особую роль играли обряды инициации, сопровождавшие переход подростка — во всяком случае, мальчика — в иное социальное состояние. Точнее, инициации — это не только обряды, оформляющие переход в мир взрослых, а характерный для первобытных культур институт социализации, основная задача которого состояла в формировании новой социальной идентичности подростков (в качестве полноправных членов племени, рода или мужского союза). Даже ученые, анализирующие инициации с психоаналитических позиций, не отрицают их социальной функции — функции обеспечения перехода от подросткового к признанному обществом взрослому статусу. Ее выделил еще в 1909 г. А. Ван Геннеп, разделивший процесс инициации на три последовательных этапа: ритуал отлучения

от статуса ребенка, переходный — иногда весьма длительный — период, который готовит подростка к новому статусу, и ритуал его приема в общество взрослых.

За прошедшие десятилетия многочисленные исследования подтвердили универсальность категорий, использованных Ван Геннепом. Иными словами, инициации — важный институт социализации, «школа» или даже «университет», превращающие подростка в социализированного в данной культуре взрослого. Но социальная функция инициации шире.

Во-первых, она способствует осознанию личностью своей принадлежности сразу к нескольким группам. Кроме присвоения сексуальной идентичности, о чем мы уже говорили, это и формирование идентичности в качестве члена группы сверстников, одновременно родившихся к новой жизни. Одновременно формируется и гендерная идентичность — осознание себя мужчиной в качестве члена высокостатусной социальной группы — избранного клана или мужского союза. В архаических культурах гендерная мужская идентичность практически совпадала с социальной идентичностью высшего уровня — в качестве полноправного и полноценного члена общины. Во-вторых, институт инициации был призван формировать позитивную социальную идентичность и таким образом поддерживать сплоченность племени. В процессе обучения подростков особое внимание уделялось их знакомству с историей общности — подлинной и мифической — и происхождением всех ее членов от общего предка. На этой основе прививалось чувство солидарности с ней.

Можно согласиться с В.Я. Проппом, что инициации отмирают вместе с создавшим их строем. В первобытных культурах инициации воспринимались как одна из важнейших сторон жизни общности и весьма успешно выполняли функцию связи поколений. Но в их основе лежали классификация индивидов по полу и формирование, прежде всего гендерной идентичности. Поэтому не следует удивляться исчезновению инициации в более сложных социальных системах. В современном западном обществе взросление «рассматривается скорее как серия автономных друг от друга социальных переходов (гражданское совершеннолетие, начал о трудовой деятельности, вступление в брак и т. п.)», а гендерная идентичность утратила былое значение и уступила место другим социальным идентичностям (этнической, профессиональной и т. п.).

Психолога этнос интересует прежде всего как психологическая общность, способная успешно выполнять важные для каждого человека функции: 1) ориентировать в окружающем мире, поставляя относительно упорядоченную информацию; 2) задавать общие жизненные ценности; 3) защищать, отвечая не только за социальное, но даже за физическое самочувствие. Человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», и этнос — не единственная группа, в осознании принадлежности, к которой человек ищет опору в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Белинская Е.П. Стефаненко Т.Г. Социализация в разных культурах и у разных народов // Этническая социализация подростка. М., 2000. С. 52-74.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ, МОДЕЛИ ИЗМЕРЕНИЙ

Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко

Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. При этом необходимо разводить понятия этнической идентичности и этничности — социологической категории, относящейся к определению этнической принадлежности по ряду объективных признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре, — и иметь в виду, что в реальной жизни этническая идентичность далеко не всегда совпадает с официальной этничностью. Этническая идентичность не сводится и может не совпадать с декларируемой идентичностью, которая проявляется в самоназвании и зависит от социальной ситуации. В жизни индивид может эффективно пользоваться переключением этнических кодов, которое не затрагивает его подлинной идентичности.

Этническая идентичность — это, в первую очередь, результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов.

Вовлеченность в социальную жизнь и культурную практику этнической группы (использование языка, конфессиональная принадлежность, участие в социальных и политических организациях, поддержание культурных традиций) достаточно часто рассматривается в качестве индикатора этнической идентичности индивида. Однако до сих пор под вопросом остается наличие связи между тем, кем себя считают индивиды, и как они действуют в реальной жизни, т.е. между этнической самоидентификацией и этнической вовлеченностью. Результаты многих эмпирических исследований показали независимость двух измерений — представлений о себе как о члене этнической группы и использования типичных для нее моделей поведения. А в некоторых случаях связь между идентичностью и предпочтением некоторых видов этнической практики оказалась отрицательной: человек может идентифицироваться с этнической общностью, но не иметь никакого желания сохранять этнический язык или обычаи.

В моделях, предложенных разными исследователями, используются разные термины для обозначения составных частей когнитивного компонента этнической идентичности — этнические ориентации, групповые концепции и др. Но самыми важными признаются, этническое самоназвание, этническая осведомленность, которая включает знания об этнических группах — своей и чужих, их истории, обычаях и т.д.. На основе знаний о своей и чужих этнических группах формируется комплекс представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков. В качестве этнодифференцирующих могут выступать признаки: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство и т. д.

В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка. К настоящему времени во всем мире проведено большое количество исследований, в которых уточняются и конкретизируются возрастные границы и содержание этапов развития этнической идентичности.

Первые проблески диффузной идентификации с этнической группой большинство авторов обнаруживает у детей 3—4 лет, есть даже данные о первичном восприятии ярких внешних различий — цвета кожи, волос — детьми до трех лет. Но практически все психологи согласны с Пиаже в том, что реализованной этнической идентичности ребенок достигает в подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение. Доказательства этого мы обнаруживаем и в отечественной психологии. Так, И.А. Снежкова¹⁴, анализируя развитие этнической идентичности у украинских детей, выявила, что представления детей 6—10 лет о своей национальности отличаются нестабильностью и изменчивостью, а в 11 — 14 лет дети приводят убедительные мотивы ее выбора.

На последовательных этапах развития этнической идентичности формируется как этническое самоназвание, так и этническая осведомленность, включающая в себя знания о своей и чужой группах. Существует представление, что этнический ярлык, получаемый ребенком на начальных стадиях формирования его представлений о себе от ближайшего социального окружения, первоначально никак не соотносится с его этнической осведомленностью. Ребенок, рожденный в русской, еврейской или татарской семье, будет называть себя русским, евреем или татаринном задолго до осознания своей этнической принадлежности.

Однако результаты эмпирических исследований со всей очевидностью свидетельствуют, что способность стабильно давать себе правильное этническое самоназвание неизбежно связана с ростом этнической осведомленности о групповых различиях. Только подростки со сформировавшейся системой представлений об этнических явлениях, четко идентифицировавшие себя с этнической общностью на основе значительного набора этнодифференцирующих признаков, стабильно присваивали себе соответствующее самоназвание (О.Л. Романова)¹⁵.

Этническая осведомленность возрастает с опытом, получением новой информации и развитием когнитивных способностей. Первоначально она основывается на очевидных показателях — внешности, языке, элементах материальной культуры, обычаях. Постепенно повышается способность ребенка воспринимать, описывать, интерпретировать этнические признаки. Он включает в их комплекс все новые элементы — общность предков, общность исторической судьбы, религию. В последние годы особое внимание исследователей привлеч еще один аспект формирования этнической идентичности — появление у индивида чувства

¹⁴ Снежкова И.А. К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества // Советская этнография. 1982. №1. С. 80-88.

¹⁵ Романова О.Л. Развитие этнической идентичности у детей и подростков. Автореф. дисс. Канд. Психолог. Наук. М., 1994.

неизменности и устойчивости этнических характеристик — этническая константность. Как свидетельствуют полученные эмпирические данные, формирование этнической константности протекает аналогично процессам усвоения постоянства половых и расовых признаков: сознательное отнесение себя к определенному этносу и использование этнических ярлыков происходит раньше, чем ребенок начинает осознавать константность этнических характеристик. Наблюдается четкая временная последовательность формирования трех основных констант. Осознание неизменности половых характеристик наступает в 2—2,5 года, расовых — в 8—9 лет, а этнических, в процессе которого необходимо использование сложных механизмов социокультурной идентификации и межпоколенной передачи информации — не ранее 12—13 лет.

Среди самых существенных факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, психологи выделяют: 1) особенности этнической социализации в семье, школе и ближайшем социальном окружении; 2) особенности этноконтактной среды, прежде всего ее гетерогенность/гомогенность; 3) статусные отношения между этническими группами.

Исследователи, полагаящие, что индивид с разной степенью интенсивности может идентифицировать себя как с одной, так и с двумя этническими общностями, предложили модель двух измерений этнической идентичности. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга.

Для большинства индивидов характерна моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнопринадлежностью. Как и другие варианты идентичности, она проявляется в многочисленных уровнях интенсивности. При благоприятных социально-исторических условиях позитивная этническая идентичность сопровождается патриотизмом, гордостью за достижения своего народа и его великих представителей, адекватно высокой самооценкой, чувством собственного достоинства. На основании результатов многочисленных исследований можно считать доказанным, что «формирование этнической идентичности по типу «нормы» (позитивная этническая идентичность) предполагает соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам».

Но позитивная этническая идентичность может проявляться и по-другому. В своей крайней форме она представляет собой этническую гиперидентичность, которая доминирует в иерархии социальных идентичностей индивида и сопровождается этноцентристскими стереотипами, предубеждениями к представителям других этнических групп, уклонением от тесного взаимодействия с ними и нетерпимостью в межэтническом взаимодействии.

Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой (измененная этническая идентичность) возможна в случаях, когда в полиэтничном обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный статус, чем своя. Конечным результатом идентификации с чужой группой является

полная ассимиляция, т. е. принятие ее традиций, ценностей, норм, языка вплоть до — при условии принятия индивида группой — полного растворения в ней.

Сильная, хотя и разного уровня интенсивности, идентификация с двумя группами ведет к формированию биэтнической идентичности. Имеющие такую идентичность люди осознают свое сходство с двумя группами и обладают компетентностью в двух культурах.

В настоящее время исследователи предпринимают попытки выделить типы биэтнической идентичности, иными словами, различные способы поддержания индивидом связей с двумя культурами. Человеком с биэтнической идентичностью в этом случае рассматривается индивид, в восприятии которого происходит частичное совмещение двух культур, а различие в типах бикультурализма проистекает из-за разного восприятия своего места в них.

Идентичность индивида, который осознает себя находящимся в области слияния двух культур, так и называют — слившейся. А идентичность, обладая которой индивид в разных ситуациях осознает свою принадлежность к разным культурам, вернее, к их не слившимся в его восприятии частям, называют чередующейся. В этом случае человек с бикультурной компетентностью переключает коды, в прямом и переносном смысле переходя с одного языка на другой.

С этой точки зрения интересна попытка выделения этапов личностного роста индивидов, взаимодействующих с представителями других культур и получающих социальную поддержку. Согласно этой модели, в процессе успешной адаптации индивид проходит три этноцентристских этапа (отрицание различий; защита от различий с их оценкой в пользу своей группы; минимизация различий) и три этнорелятивистских этапа (принятие различий; адаптация к культурным или групповым различиям, т. е. способность не только их признавать, но и действовать соответствующим образом; интеграция, т. е. применение этнорелятивизма к собственной идентичности). Позицию индивида на высшем этапе личностного роста М. Беннетт называет конструктивной маргинальностью, что соответствует таким понятиям, как человек-посредник между культурами, человек мультикультуры.

Члены групп меньшинства и выходцы из межэтнических браков — ощущают, что они представляют собой именно разрыв, а не шов. Это индивиды с маргинальной этнической идентичностью, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых являются дезорганизованность, ощущение неприступной стены, неприспособленности, отчужденность, отчаяние и т.д.

Какие категории использует индивид, чтобы уйти от переживаний, связанных с принадлежностью к этнической группе? При формировании социальной идентичности он может опираться на гражданскую идентичность. Или причислять себя к широким наднациональным общностям — европейцам, азиатам, гражданам мира, т. е. декларировать космополитическую идентичность. Но он может выбрать и другую стратегию. П. Вайнрайч обнаружил, что в иерархии социальных

идентичностей подростков-иммигрантов — выходцев из Азии — группы сверстников занимают намного более значимое место, чем у англичан. Это явление он объяснил конфликтом идентичности, возникающим у иммигрантов из-за противоречий между ценностями этнической культуры, получаемыми через семью, и ценностями британской культуры, впитываемыми в школе. Чтобы разрешить этот конфликт подростки выбирают группу сверстников для идентификации себя с нею.

Однако ослабление и вытеснение из структуры социальной идентичности одной из ее важнейших составных частей — этнической идентичности — грозит, с одной стороны, потерей целостности образа «Я», а с другой — потерей связей с какой бы то ни было культурой. Утрата этнической идентичности может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом, что долгое время проявлялось, например, в негритянском ощущении «я — никто», невидимости, безымянности, безликости.

ЛИТЕРАТУРА

Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: понятие, формирование, модели измерений // Этническая социализация подростка. М., 2000. С. 75-107.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Г.У. Солдатова

В последние годы в отечественной научной литературе все чаще встречаются понятия «этническая идентичность» или «этничность», заимствованные из зарубежной социально-культурной антропологии и политологических исследований. Поиски объяснительных механизмов процессов суверенизации республик бывшего СССР и роста межэтнической напряженности привели к актуализации «этничности» или «этнической идентичности» в отечественных социально-психологических исследованиях.

Анализируя различные концепции этничности, выделяют три подхода к ее изучению: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Ученые первой ориентации, главным образом антропологи, этнологи рассматривают этничность в качестве изначальной характеристики, присущей индивиду как члену реально существующей этнической группы. Вне зависимости от социологизаторской, биологизаторской или культурологической трактовки, ее основа — кровное родство, общее происхождение и исконная территория. Противоположная научная ориентация — конструктивизм — наиболее распространенный на западе современный подход в объяснении природы этничности. Конструктивисты рассматривают этничность как ситуативный, нередко «навязанный» феномен. Ученые инструменталистской ориентации предлагают объяснение этничности как средства достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации группы.

Как соотносить отечественное понятие «этническое самосознание» с западной «этничностью» или «этнической идентичностью»? В широком междисциплинарном ракурсе эти понятия нередко рассматриваются как тождественные. Но для этнопсихолога, работающего на основе феноменологии этнического самосознания, этническая идентичность вовсе не является его синонимом. С одной стороны, этническая идентичность уже. Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой — шире, так как содержит в себе также слой бессознательного. В силу этих различий этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» — этническое бессознательное.

Этничность — это неотъемлемая часть общей социальной идентичности человека, формирование и функционирование которой подчиняется определенным социально-психологическим закономерностям. Этническая идентичность как форма внутриэтнического и межэтнического взаимодействия имеет свои особенности. Этничность — «родом из прошлого». Даже если это «навязанная» этничность, которая в значительной степени формируется этнократической политикой и мало считается с «естественными» факторами¹⁶. Этничность мифологична, и в этом ее мобилизующая сила. Ее главная опора — идея или миф об общих культуре, происхождении, истории. Г. Лебон писал, что «из всех факторов развития цивилизаций иллюзии составляют едва ли не самый могущественный»¹⁷. Этничность — зависимая переменная. Она возрастает или ослабевает в соответствии с внешними обстоятельствами. Поэтому этничность становится важнейшим идеологическим инструментом в борьбе за власть. Этничность обладает «двойным дном» (по образному выражению С. Лурье), то есть этническая культура, лежащая в ее основе, разделяется на культуру для «внешнего» пользования и «внутреннего» пользования, скрытую от посторонних. Этничность связывает и солидаризует на основе группового членства. Солидарность в качестве одного из главных признаков этничности выделяется большинством исследователей, начиная от Т. Парсонса. Р.Г. Абдулатипов определяет этничность, прежде всего как «...своеобразную форму солидарности людей для выполнения каких-то социальных и культурных задач»¹⁸. Этничность по сути своей конфронтационна. Она есть функция отношений с другими этническими группами, которые складываются по принципу оппозиции. «Всякое объединение противопоставляет», — отмечал Б. Ф. Поршнев. Поэтому рост этничности связан сростом этнической нетерпимости. Важнейшим фактором усиления этничности является также желание отделиться от других. Этничность — категория «эмоционально-нормативная». Достоинство, гордость, обиды являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по

¹⁶ Ерасов Б.С. Этническое национальное цивилизационное в пространстве Евразии // Цивилизации и культуры. 1995. Вып. 2. С. 81-104.

¹⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

¹⁸ Абдулатипов Р.Г. Национальные отношения и политика общественного согласия // Этнополитический вестник. 1995. №2. С. 15-35.

отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида. Эмоциональные императивы влияют на образы восприятия и в значительной степени объясняют иррациональность поведения сторон в этнических конфликтах.

В силу своей специфики этничность особенно чувствительна к изменениям межэтнической атмосферы, и ее актуализация как форма внутригруппового и межгруппового взаимодействия ведет к росту межэтнической напряженности и дезинтеграции полиэтнического общества. Это определяет центральное место этничности в феноменологическом поле межэтнической напряженности.

Частью содержания этнической идентичности является этническое бессознательное. Психологи определяют его как подавленный или вытесненный большинством людей данной этнической группы материал, который каждое поколение разделяет со следующим. В критических социальных ситуациях, связанных с изменением характера межэтнических отношений, происходит нарушение компенсаторной связи между коллективным бессознательным и групповым сознанием. Образы бессознательного начинают актуализироваться на уровне сознания, которое расширяет свои границы. Нарушение баланса взаимодействия между сознательным и бессознательным уровнями идентичности в случаях психической инфляции выражается в изменении содержания этнической идентичности и ее структуры.

Трансформация структуры идентичности выражается в том, что членство в этнической группе становится важной категорией личностной социальной идентичности. Расширение субъектом своей личности и освоение широкого социального пространства, которое он, будучи удовлетворенным и самодостаточным, не желает заполнять, — еще одна характерная особенность состояния психической инфляции. В этом случае индивид начинает присваивать себе «...содержание и качества, которые существуют, строго говоря, только сами для себя и должны, следовательно, оставаться за нашими пределами». В результате происходит изменение иерархии уровней в структуре социальной идентичности, а именно — повышение значимости групповых идентичностей по сравнению с личностной.

Падению потенциала «Я» способствуют аномия, хаос в обществе. Множество слабых и неуверенных в себе «Я» начинают искать сильное «Мы». В кризисные периоды в поисках опоры и устойчивости личность стремится поточнее определить социальные и психологические границы своего существования. Она выходит за пределы своего «Я», отождествляя себя с какой-либо общностью или группой. Через расширение индивидуальных границ в новой идентичности личность ищет успокоение и устойчивость. И если общество оказывается бессильным, уверенность людям дает этническая группа. В поликультурном обществе в кризисные периоды его развития именно этничность является главным инструментом, посредством которого группе удастся очертить наиболее заметные и надежные этнические границы.

ЛИТЕРАТУРА

Солдатова Г.У. Этническое самосознание и этническая идентичность // Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 40-64.

ГЕНЕЗИС РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

В.Ю. Хотинец

Проблемам идентичности и изучению ее как специфического психологического механизма взаимодействия индивида с социальной группой посвящено много работ представителей различных школ и направлений: глубинной психологии, социальной психологии, когнитивной психологии, символического интеракционизма, психологической антропологии, гуманистической психологии. В рамках отечественного этнологического направления изучение этнической идентичности проводилось в масштабах многомерного эмпирического исследования этнического самосознания на стыке этносоциологии, политологии и социальной психологии. Эти работы явились предпосылкой понимания этнофункциональных процессов идентичности, а именно различного рода этнических самоидентификаций, сформировавшихся на базе уникальных этнокультурных особенностей группы в качестве психологических механизмов проявления и развития этнического самосознания. На их основе этнические субъекты осознают свое место в системе внутриэтнических и межэтнических отношений и усваивают способы внутригруппового и межгруппового поведения и взаимодействия.

Этническое самосознание выражается в осознании своей этнической общности по принципу «мы» — «они», реализующему осознание специфичности не только своего этноса, но и других этнических образований.

При характеристике этнического самосознания важно учитывать особенности его функционирования при трансформации ряда психологических условий: изменения образа своей и других этнических общностей, отношения к ним. Необходимо иметь в виду и такую особенность осознания причастности к своей этнической группе, которая воплощена в понятие «лучший — худший» (оценочный компонент). Отношение к своему и к другим этносам включает эмоционально-оценочный аспект, аффективная сторона которого привносит неадекватность соотношенности в сторону как гиперболизации, так и литотизации. В силу этого этническое самосознание приобретает разные формы выражения в зависимости от полюса идентификации со своим этносом.

Гиперпозитивная этническая самоидентификация

«Позитивная самоидентификация» с избыточной степенью противопоставления по градиенту гиперболизации принимает следующие виды:

Этноцентризм — осознание своей общности с аффектацией на самоутверждение при значительном отношении к ее этничности. Форма проявления — преувеличение и интенсификация в этнических обычаях всего, что является специфичным и что отличает одну общность от другой, предопределяющие неагрессивный изоляционизм.

Этнодоминирование — осознание своей общности с аффектацией на гиперэтничность. Форма проявления – абсорбация. Численное превосходство общности, ее политическое и организационное совершенство, обеспечивают превосходство культуры ингруппы в ее отношении к аутгруппе.

Этнофанатизм — осознание своей общности с аффектацией на исключительность. Форма проявления — фанатическая вплоть до патологической приверженность к групповой догме, интолерантность к иноэтническому окружению.

Национализм — осознание своей этнической общности с аффектацией на максимализм. Форма проявления – дискриминация. «Восприятие членами одной из этнических общностей угрозы со стороны другой обуславливает повышенную враждебность в отношении последней при высокой внутригрупповой солидарности» (один из принципов «реалистической теории группового конфликта»).

Таким образом, этническое самосознание в гиперболизированной форме своего выражения характеризуется сверхпозитивным эмоционально-оценочным отношением к ингруппе (автостереотипы), включающие в себя в различной степени выраженности негативное отношение к аутгруппе (гетеростереотипы).

Негативная этническая самоидентификация

Другая форма выражения этнического самосознания, характеризующаяся негативной самоидентификацией при литотизации противопоставления своего этноса с другими этническими образованиями, проявляется как:

Этнонегативизм — осознание своей общности с негативной аффектацией. Направленность проявления — ориентация на свой этнос при отрицательном его представлении, обусловленном неравномерностью развития этнических сообществ, различным уровнем экономического и культурного прогресса. Степень проявления зависит от уровня привлекательности иноэтнических объектов оценивания.

Этноэлиминация — осознание своей общности с аффектацией на самоустранение. Направленность проявления — ориентация на другой (референтный) этнос с осознанием принадлежности к своему. Степень проявления связана с мерой вклада иноэтнических ценностных «потребностей» в мотивационную структуру маргинальной личности.

Этнонигилизм — осознание своей общности с аффектацией на самоотрицание. Направленность проявления — ориентация на другой этнос с осознанием принадлежности к нему. Предпосылкой этому является сдвиг в этнической определенности, в характерном данной культуре стиле жизни в поисках стратегических преимуществ.

Таким образом, этническое самосознание в литотизированной форме выражения предполагает негативное эмоционально-оценочное отношение к ингруппе (автостереотипы) при позитивном отношении к аутгруппе (гетеростереотипы). Ясно, что избыточная степень противопоставления «мы» —

«они», трансформирующаяся в дихотомии «лучший» — «худший», «свой» — «чужой», обусловлена дезадаптацией социальных образований в условиях этнической реальности (экономических, политических, демографических ситуаций). «Культурная дезинтеграция», «рассогласованность интериоризированных этнических параметров» предопределяют повышение тревожности как первичной реакции человека на дезинтеграцию собственно социокультурной среды, препятствующей успешной этнокультурной адаптации.

Как гиперболизированная позитивная самоидентификация, так и литотизированная негативная выполняют функцию социально-психологической защиты этноса от дивергенции (рассогласования) этнической жизнедеятельности, этнического бытия в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2001. – С. 108-111.

ФЕНОМЕН МЕНТАЛИТЕТА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

И.Г. Дубов

В последние годы в связи со снятием барьеров, препятствующих широким контактам жителей СССР с гражданами других стран, стали отчетливо заметны многочисленные отличия советских людей от представителей иных культур. В этой связи в отечественную публицистику вошло и прочно в ней закрепилось характеризующее психологический аспект этих отличий понятие «менталитет». Авторы многочисленных статей, сходятся на том, что *менталитет* — это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него.

Опора при создании развернутой дефиниции менталитета на специальную, посвященную этому вопросу иностранную литературу вряд ли окажется эффективной, несмотря на западноевропейское происхождение слова (от позднелатинского *mentalis*). Отражая несколько иную по сравнению с охарактеризованной выше психологическую реальность, понятие «*mentality*» определяется в англоязычных психологических словарях как «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов»; «обобщение всех характеристик, отличающих ум», «способность или сила разума», «установки, настроение, содержание ума», «образ мыслей, направление или характер размышлений» и, наконец, как «сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических».

В отечественной философской и культурологической литературе, где понятие «ментальность» сравнительно давно обрело права гражданства, встречаются попытки более развернутого определения его смысла. Чаще всего

менталитет понимают как «совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы». Указанный подход к пониманию менталитета также не способствует закреплению этого термина в научной лексике, поскольку здесь менталитет практически отождествляется с массовым сознанием. При анализе менталитета (коллективной ментальности) следует исходить из того, что данное понятие описывает именно специфику отражения внешнего мира, обуславливающую специфику способов реагирования достаточно большой общности людей.

Таким образом, менталитет, будучи явлением умственного порядка, вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания других групп людей, причем, как правило, речь идет о таких больших группах, как этнос, нация или, по крайней мере, социальный слой. Необходимо также отметить, что осознаваемые элементы менталитета тесно связаны с областью бессознательного (а может быть, и базируются на ней), понимаемого применительно к указанным общностям как коллективное бессознательное.

В самом общем виде менталитет может быть, вероятно, определен как некая характерная для конкретной культуры специфика психической жизни представляющих данную культуру людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте. Данное определение в известной степени пересекается с понятием «национальный характер», под которым понимают либо присущий представителям данной нации набор основных личностных черт (концепция модальной личности), либо систему основных существующих в этносе представлений: установок, верований, ценностей, умонастроений и т. п. (концепция социальной личности).

Для того чтобы разграничить указанные понятия, следует назвать те психологические феномены, в которых менталитет репрезентируется и которые необходимо изучать для его всестороннего описания

Содержание менталитета, как это вытекает из самой этимологии слова, заключается в когнитивной сфере и определяется прежде всего теми *знаниями*, которыми владеет изучаемая общность. Совместно с *верованиями* знания составляют представления об окружающем мире, которые являются базой менталитета, задавая вкупе с доминирующими *потребностями* и *архетипами* коллективного бессознательного иерархию *ценностей*, характеризующую данную общность. В структуре имеющихся знаний следует, прежде всего, выделить перцептивные и когнитивные *эталоны* (а применительно к общественным отношениям — социальные *нормы*), играющие важную роль в регуляции поведения и наряду с ценностями характеризующие менталитет данной культуры. При рассмотрении реальных фактов эталоны становятся

критериями выносимых оценок и определяют систему взглядов на мир, обуславливающих модальность смысловой системы *отношений* к миру. В упрощенном, схематизированном виде взгляды на мир, оценка окружающей действительности выглядят как стереотипы сознания, выделяясь в сфере общественных отношений как социальные стереотипы. Отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений достаточно полно зафиксированы в *языке*, который является в силу этого одним из объектов анализа при изучении менталитета. Кроме специфики связей между элементами языка, отражающей отношение людей к окружающему миру, особое внимание привлекают здесь различия в *значениях*, которыми в разных культурах наполняется одно и то же понятие. По существу, эти различия применительно к этносу в целом являются различиями в *социальных смыслах* этого понятия для тех или иных обществ.

Очевидно, что специфика когнитивной сферы отражается и в сфере мотивационной. Система доминирующих в большой социальной группе *мотивов*, детерминированная существующей иерархией ценностей, отражает некоторые единые для представителей данной общности *убеждения, идеалы, склонности и интересы*. Эти и другие обеспечивающие готовность действовать определенным образом факторы являются *социальными установками* и могут считаться одной из основных характеристик менталитета нации или социального слоя. По существу, все неосознаваемое содержание менталитета, те отличия во взглядах на мир, которые становятся заметны людям только после сравнения себя с представителями иной культуры, представляют собой набор социальных установок.

Относясь к когнитивной сфере личности, менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь, прежде всего в *стереотипах поведения*, к которым тесно примыкают *стереотипы принятия решений*, означающие на деле выбор одной из поведенческих альтернатив. Здесь следует выделить те стандартные формы социального поведения, которые заимствованы из прошлого и называются *традициями и обычаями*. И так же как устойчивые особенности поведения индивида называются чертами его личности, типовое поведение, характерное для представителей конкретной общности, позволяет описать черты национального или характера, складывающиеся в национальный тип, который в упрощенном и схематизированном виде предстает как *этнический стереотип*.

Таким образом, менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других.

Исходя из этого можно сделать вывод, что национальный характер, понимаемый как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса или как доминирующие в данном обществе ценности и установки, является, по существу, лишь частью менталитета как интегральной характеристики психологических особенностей людей, принадлежащих к изучаемой культуре.

Между тем изучение национального характера и различных социально-психологических типов личности имеет большую и интересную историю. По существу, нет ни одного крупного писателя, который в той или иной форме не пытался бы описать национальный характер.

Этнопсихологические наблюдения можно найти в трудах Геродота, Тацита, Плиния, Ксенофонта и многих других античных историков. Возникновение подлинно научного интереса к этой проблеме связывается с XVIII в. (Ш. Монтескье, К. Линней, Ж. Бюффон и др.). Однако лишь в 1859 г. Х. Штейнталь и М. Лацарус объявили о попытке создания «психологии народов», т.е. собственно этнопсихологии. Опираясь, в частности, на факт существования народного творчества, они предположили, что у каждого народа существует некое единое сверхличностное сознание, «народный дух»¹⁹. Позднее эта точка зрения была оспорена В. Вундтом, изучавшим язык, мифы и обычаи как продукт коллективной деятельности народного ума. Он считал, что единой коллективной души не существует в природе, а изучать надо коллективную творческую деятельность индивидов. Указанная дискуссия не оставила равнодушными и российских ученых, которые ставили своей целью изучение не психологической специфики этноса в целом, а механизмов социального взаимодействия, обеспечивающих интеграцию продуктов психической деятельности отдельных элементов данного этноса²⁰.

Наиболее серьезную проработку проблема национального (а именно русского) характера получила в выполненных на рубеже XIX и XX вв. трудах ученых (прежде всего Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, Г. П. Федотова и др.), стремившихся философски осмыслить природу человеческого духа в контексте отношений человека с Богом и государством.

В то время в России не проводились соответствующие социологические или социально-психологические исследования, так что оценивать сегодня истинность сделанных восемьдесят лет назад выводов придется в лучшем случае по косвенным данным. Однако заложенная традиция оказалась настолько сильна, что даже с появлением точных методов, позволяющих измерить и количественно описать, по крайней мере, некоторые психологические особенности этноса, посвященные этому вопросу работы современных исследователей, так и остались практически без исключений основанными на экспертных оценках.

---

¹⁹ Бехтеров В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921.

²⁰ Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.

В качестве примера можно привести статьи Р. Бистрицкаса и Р. Кочюнаса, Л. Я. Гозмана и А. М. Эткинда, В. Е. Кагана, Б. И. Кочубея и др. Как правило, все они касаются уже не русского национального характера, а специфического менталитета, который сложился у граждан Советского Союза за семь десятилетий нашей истории. Следуя за Э. Фроммом, авторы этих работ описывают некий психологический тип личности, формирование которого зависит не столько от географических условий обитания, сколько от конкретного типа общественных отношений, от той модели социально-экономической формации, к которой принадлежит данная личность.

Описание характера ментальности конкретной исторической общности можно найти также в трудах историков и этнографов, изучавших специфику русского быта (И. Е. Забелин, С. В. Максимов, И. П. Сахаров, И. П. Ровинский и др.). В этих и продолжающих данную традицию работах встречаются достаточно интересные замечания о специфическом отношении к миру представителей описываемого этноса. Однако авторы подобных работ в соответствии с другим предметом своих исследований не уделяли большого внимания обобщенным психологическим характеристикам, ограничиваясь констатацией отношения различных слоев населения к тем или иным сторонам жизни в конкретный исторический период.

Стремление заполнить существующий в исторической науке вакуум знаний о психологическом облике наших предков привело к появлению исследований, целью которых является реконструкция духовного мира человека прошлого. Общим оценкам ментальности представителей различных эпох посвящены работы отечественных историков и культурологов, развивающих творческое наследие М. М. Бахтина и французской школы «Анналов».

Опытной проработкой указанных вопросов пытались заняться и представители других наук, в частности социологи. Для определения отличительных характеристик советского человека были проведены, вероятно, десятки, если не сотни, как ортодоксальных, так и неортодоксальных исследований. К сожалению, срезы общественного мнения показывают обычно поверхностную картину содержания обыденного сознания, отражающую ситуативные социально-экономические приоритеты граждан. Даже в наиболее взвешенных социологических исследованиях, посвященных советскому образу мыслей, как правило, не учитывались разнообразные мотивы людей, не говоря уже о глобальных человеческих ценностях, знание иерархии которых в изучаемой общности совершенно необходимо для правильной интерпретации ответов респондентов²¹. Следует также отметить, что и сами вопросы, закладываемые в анкеты, являются в большинстве случаев разноуровневыми и не репрезентативными всему кругу оцениваемых явлений.

---

²¹ Грушин Б.А. Россия – 93: новые мифы – новая реальность. Отреклись ли мы от старого мира? // Независимая газета. 1993. 15 июня.

Огромное количество (в том числе и экспериментальных) работ, позволяющих делать серьезные выводы о менталитете, написано лингвистами и психолингвистами. И это понятно: ведь где, как не в языке, наиболее полно представлен внутренний мир человека — во всяком случае, его когнитивная сфера. Языковая ментальность — это способ деления мира с помощью языка, достаточно адекватный существующим у людей представлениям о мире. Однако, несмотря на то, что анализ языка позволяет весьма точно выявить культурную специфику отношений людей к окружающей их действительности, в нем отсутствует возможность установления причин, побуждающих людей придавать значимость одним аспектам явлений, игнорируя при этом другие.

В числе строго доказательных работ, касающихся менталитета в целом, нельзя не упомянуть работы В. А. Лефевра, который с помощью математической логики описал функционирование двух принципиально отличающихся друг от друга этических систем людей. Одна этическая система как система базовых ценностей задает, согласно В. А. Лефевру, отношение к жизни и поведение людей, живущих на Западе, другая определяет образ мыслей и поступки советских людей. В строгости построения предложенной к рассмотрению модели сомневаться не приходится. Однако в качестве точки отсчета для этого построения автором взяты различия в отношении советских и американских испытуемых к компромиссу и конфронтации между Добром и Злом, полученные в эксперименте, который, несомненно, требует серьезной верификации.

Гораздо шире указанная проблематика исследована психологами за рубежом. Правда, сам термин «менталитет» не пользуется там популярностью. Тем не менее, количество работ, посвященных психологическим различиям представителей разных культур, в настоящее время огромно. Только в соответствующей англоязычной литературе можно найти тысячи статей и сотни монографий по этой проблематике. При этом наибольший интерес к проведению кросс-культурных исследований проявляют ученые США, Израиля, Канады и Австралии.

В противоположность такому отношению, в нашей стране, долгое время пытавшейся создать «нового человека», подобные работы практически не ведутся.

Всестороннему экспериментальному анализу должны подвергнуться нормы и ценности, социальные установки, стереотипы сознания и поведения, а также культурно обусловленное содержание понятий, т. е. социальные смыслы. Каждый из этих феноменов является одной из осей гипотетического многомерного пространства, в котором и должны описываться психологические явления, специфические у представителей различных культур.

В настоящее время еще рано говорить о выделении в предложенном наборе феноменов некоего системообразующего признака. Изучаемое явление представляется настолько сложным, что желание выделить такой признак без тщательного изучения существующих внутри явления связей легко может привести к ошибке. В качестве такого системообразующего признака с равным успехом могут выступить и ценности людей, и космогонические представления о

мире, и архетипы коллективного бессознательного. На первом этапе необходимо проделать работу, аналогичную той, которая позволила К. Линнею создать классификацию животного мира. Менталитет представителей какой-либо культуры должен быть всесторонне описан путем сравнения экспериментально выявленного содержания указанных выше феноменов с содержанием тех же феноменов у представителей других культур. Возможно, существуют и другие подходы к пониманию психологической структуры менталитета, но указанный путь представляется в свете поставленных задач наиболее эвристичным.

В то же время очевидны и трудности, ожидающие исследователей на этом пути. Кроме высокой трудоемкости приводимых работ им придется столкнуться с большим числом не решенных пока еще фундаментальных проблем, что не только будет мешать правильной интерпретации полученных данных, но и в ряде случаев обусловит невозможность создания адекватных исследуемому феномену методических процедур.

Необходимость психологического изучения менталитета различных социальных слоев и этноса в целом является для нашей страны насущной потребностью. Результаты подобных кросс-культурных и кросс-субкультурных исследований могут оказаться чрезвычайно полезными в практическом плане. Любая деятельность, связанная с воздействием на массовое сознание, будь то коммерческая реклама, политический маркетинг, снятие межнациональной напряженности или организация народного образования, нуждается в точном знании специфического для данной культуры содержания указанных выше психологических феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

Дубов И.Т. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. №5. С. 20-29.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

В.П. Трусов, А.С. Филиппов

Почему мы представляем англичанина чаще всего сдержанным и чопорным, итальянца — экспансивным и разговорчивым, а финна — флегматичным и молчаливым? Почему они в нашем представлении такие, а не иные, хотя, возможно, в жизни мы не встречали ни англичанина, ни итальянца, ни финна? Насколько наши представления о них соответствуют действительности, и как мы будем вести себя, встретив представителей этих национальностей? Ответ на эти вопросы состоит в том, что все мы являемся носителями социальных (и этнических в том числе) стереотипов, с помощью которых сформирована значительная часть наших знаний и представлений о других народах.

Сразу после того, как в 1922 году У. Липпман²² ввел термин "стереотип" в научное обращение, в западной социальной психологии начался "бум", связанный с эмпирическим изучением явления социальной стереотипизацией. Это вполне объяснимо с исторической точки зрения: XX век ознаменовался вовлечением в общественные процессы все более широких масс, что поставило на повестку дня углубленный анализ процессов и явлений массового сознания.

Большинство эмпирических исследований социальных стереотипов были посвящены проблеме антропостереотипа (образа человека). В дальнейшем объектом исследования становятся этнические стереотипы в масштабах всего мира с целью избежать международных конфликтов, смягчить напряженность между государствами.

В работе "Общественное мнение", положившей начало эмпирическому изучению социальных стереотипов, У. Липпман выделил две важнейшие причины стереотипизирования. Первая причина — использование принципа экономии усилий, характерного для повседневного человеческого мышления, и выражающегося в том, что люди стремятся не реагировать каждый раз по-новому на новые факты и явления, а подводить их под уже имеющиеся категории. Процессу стереотипизирования всегда предшествует процесс категоризации, представляющий собой один из способов организации познания человеком окружающей действительности. Вторая причина стереотипизирования по У. Липпману — защита групповых ценностей, являющаяся чисто социальной функцией. «Они (стереотипы) — крепость, защищающая наши традиции, и за ее стенами мы можем чувствовать себя в безопасности в том положении, которое мы занимаем...»

Одна из основных причин появления этнических стереотипов заключается в специфике, несхожести национальных характеров различных этнических общностей. При контакте представителей различных этнических групп большее внимание обращалось на то, что отличало эти группы друг от друга. Так, С.И. Королев обратил внимание на то, что уже в античных описаниях чужих по отношению к автору народов (например, у Геродота, Полибия) сначала выделяется самый необычный признак, безотносительно к каким аспектам жизни народа он относился. Этот признак необычен для автора, потому что он не вписывается в привычную для его этнической группы картину мира и как таковой нередко абсолютизируется, причем как нечто неприемлемое и несовершенное. Еще со времен первобытно-общинного строя людям свойственно более высоко ценить "свое" и ниже, чем оно того заслуживает, "чужое".

Явление этноцентризма, важное для понимания механизма этнических стереотипов, заключается не только в представлениях, ставящих собственную этническую группу выше других, но также в действии так называемого "эффекта призмы", склонности оценивать качества других народов через призму своей

---

²² Lippman W. Public opinion. – N.Y., 1922.

системы ценностей. Поэтому во всех этнических стереотипах присутствует элемент сравнения и сопоставления. Отсюда следует относительность содержания этнических стереотипов. Можно предположить, что финн охарактеризует немца как разговорчивого и общительного, а итальянец того же немца как сдержанного и замкнутого. И оба будут по-своему правы: не существует абсолютно сдержанных или абсолютно общительных людей. Оценка зависит от начальной точки отсчета, о чем всегда следует помнить при анализе содержания этнических стереотипов.

Важной проблемой является вопрос об источниках знаний, лежащих в основе этнических стереотипов. Как уже отмечалось выше, в древности практически единственной возможностью получить информацию о других народах, был непосредственный контакт с ними или устная информация от того, кто имел подобный контакт. В этом случае познавательный процесс останавливался на уровне обыденного сознания, ограничиваясь житейским опытом и здравым смыслом. В дальнейшем с развитием средств массовой информации все большее значение приобретает опосредованный контакт между людьми и соответственно уменьшается роль стихийного элемента в формировании этнических стереотипов.

Одной из важнейших проблем гносеологического рассмотрения любого явления духовной жизни общества является вопрос о соотношении истинного и ложного знания или применительно к изучению стереотипов "зерна истины" в них. В настоящее время в западной социальной психологии можно выделить три основные позиции по этому вопросу. Д.Катц и К.Брейли в 1935 году предложили точку зрения, которая в известной мере сохранилась и в наши дни: «стереотип — это устойчивое впечатление, которое лишь в малой степени соответствует фактам, которые оно пытается представлять». О. Клайнберг писал: «Они (стереотипы) могут иногда содержать элементы истины, но это происходит чаще всего случайно». С. Хайакава называет стереотипы «широко текущим потоком дезинформации». Сторонники этой точки зрения относятся к стереотипам как к негативной неизбежности, искажающей черты реальности в головах людей. При этом они ссылаются на эмпирические исследования, свидетельствующие о том, что стереотипы могут отражать явления, вовсе не имеющие места в действительности. Наиболее часто для иллюстрации этого тезиса приводятся результаты исследования Р. Лапьера, изучавшего предубеждения коренного населения Калифорнии против армянских эмигрантов. Он выделил три группы стереотипов об армянах (в большинстве торговцев), живших в этом штате. Жители Калифорнии считали, что армяне, во-первых, вероломные, ленивые, всегда готовые к обману люди; во-вторых, паразиты, севшие на шею общества; в-третьих, потенциальные преступники, постоянно находящиеся в разладе с законом. Проверка показала несостоятельность всех трех стереотипов. Составляя 6% от общего населения, армяне выступали в качестве ответчиков лишь в 1,5% всех судебных дел; получали различных пособий в два раза меньше, чем сумма, на которую они могли претендовать, учитывая их процентное соотношение с общим населением; армянские

торговцы по своей честности не отличалась от всех других ни в худшую, ни в лучшую сторону.

Большая группа исследователей склоняется к отождествлению стереотипов с обобщением явлений, которые реально существуют, хотя, возможно, и не в такой форме, в какой они отражены в стереотипах. З. Вайнеки утверждает, что «частично неверные, поверхностные, ограниченные стереотипы тем не менее обобщают некоторые реальные черты культуры», Д. Кэмпбелл считает, что стереотипы могут быть адекватны в случае совпадения автостереотипов и гетеростереотипов, Х. Триандис и В. Василиу рассматривают в качестве условия адекватности этнических стереотипов непосредственный контакт со стереотипизируемой группой, сходную позицию занимают Н. Шонфилд, Г. Оллпорт, Г. Гильберт.

Многие ученые, работающие в области этнических стереотипов, не считают проблему "зерна истины" заслуживающей внимания. С их точки зрения, любое обобщение, касающееся этнической общности, — это этнический стереотип. По их мнению, практически важно изучать содержание этнических стереотипов, не задаваясь вопросом, насколько точно они отражают действительность.

Действительно вопрос о соотношении истинного и ложного знания в этнических стереотипах является достаточно сложным, и основная трудность, на наш взгляд, заключается в отсутствии найденного надежного критерия для выявления реальных этнопсихологических характеристик той или иной общности.

Тесно связанным с вопросом адекватности этнических стереотипов представляется анализ его внутренней структуры. Западные социальные психологи выделяют четыре характеристики стереотипа, или, как назвал их Л. Эдвардс, «измерения».

1. Содержание стереотипа, то есть набор характеристик, приписываемых какой-либо этнической группе. Частота употребления характеристик значения не имеет.
2. Единообразие — степень согласованности респондентов в приписывании этнической группе тех или иных характеристик.
3. Направленность — общее положительное или отрицательное восприятие объекта стереотипизирования. Может быть выведена непосредственно из содержания стереотипа (наличие большего или меньшего количества положительных или отрицательных характеристик).
4. Интенсивность — степень предубежденности по отношению к стереотипизируемой группе, выраженная в стереотипе. Данное измерение можно получить ранжированием характеристик, приписываемых этнической группе.

Таким образом, этнические стереотипы детерминированы, во-первых, реальными специфическими чертами стереотипизируемой группы, отличающими ее от других групп и обусловленными материальными условиями жизни людей; во-

вторых, спецификой преломления этих черт через аппарат восприятия стереотипизирующей группы; в-третьих, всем комплексом экономических, политических и культурных, взаимоотношений стереотипизируемой и стереотипизирующей групп.

Не менее важным представляется нам вопрос о функционировании, этнических стереотипов, об их роли в общественной жизни.

Основной социальной функцией стереотипов, в том числе и этнических, является функция защиты групповых ценностей, консолидации группы. За счет каких особенностей этнические стереотипы выполняют эту функцию? Одной из них является устойчивость, роль этого фактора отмечают практически все исследователи. Многие считают устойчивость (или ригидность) стереотипа негативным качеством ввиду ее «чрезмерности». Устойчивость стереотипов подтверждена экспериментально.

Мы бы хотели сделать два замечания по данному вопросу. Во-первых, различные исследователи, употребляя одни и те же термины, — ригидность, устойчивость, стабильность часто говорят о разных вещах. На наш взгляд, с целью избежать терминологической путаницы, необходимо использовать термин "устойчивость" по отношению к существованию одних и тех же этнических стереотипов у нескольких поколений для обозначения длительности их временного существования. Второй термин "ригидность" должен обозначать специфику в организации индивидуального восприятия - недостаток гибкости, зависимость от сформированных в прошлом образов. Можно говорить о стабильности стереотипов, если только они не изменяются в свете;

- 1) получения новой информации о стереотипизируемой группе;
- 2) изменения потребностей, интересов и мотивов субъекта;
- 3) изменившегося характера взаимодействия между стереотипизируемой и стереотипизирующей группами.

Если ни в одном из вышеперечисленных факторов изменений не произошло, и стереотип не изменился, его нельзя назвать ригидным. Ведь о ригидности можно говорить только в том случае, когда существует необходимость в изменениях, а человек оказывает им сопротивление.

С устойчивостью и ригидностью стереотипа связан и такой защитный механизм, как избирательность восприятия информации. «Иногда сознательно, иногда не осознавая этого, мы позволяем оказать на себя влияние только тем фактам, которые соответствуют нашей «философии». Мы не видим того, на что наши глаза не хотят обращать внимание». К защитным механизмам стереотипа относится также его эмоциональная наполненность; по выражению У. Липпмана «стереотип заряжен чувствами». П.Н. Шихирев справедливо замечает: «Чем тверже оценка, тем, как правило, большую эмоцию вызывает любая попытка подвергнуть его (стереотип) сомнению, и, наоборот, чем интенсивнее эмоция, тем категоричнее выражающее ее мнение».

Вопрос о соотношении стереотипа и установки до сих пор является дискуссионным. Некоторые исследователи рассматривают стереотип в качестве когнитивного элемента установки, другие отождествляют эти два понятия, третьи считают стереотип формой выражения установки. На наш взгляд, правомерно говорить о том, что установка является аффективной стороной стереотипа (именно стороной, а не элементом, ибо элемент предполагает наличие отношений «часть-целое», о которых нельзя говорить, рассматривая структуру стереотипа). Этнический стереотип имеет две стороны когнитивную (содержание) и аффективную (предубеждение). Установка придает когнитивному элементу стереотипа содержание, направленность и определяет его интенсивность. Экспериментально доказано, что вначале у человека формируется установка, а затем стереотип наполняется соответствующим этой установке содержанием.

В чем же заключается причина появления и существования у людей этнических предубеждений? Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно. Можно рассмотреть несколько взаимосвязанных между собой причин. Зарождались негативные этнические предубеждения (это не тавтология — предубеждения могут быть и позитивными) в силу уже описанного феномена разделения человечества на МЫ — ОНИ, в силу формирующегося на уровне чувственного отражения негативного отношения ко всему непривычному. Однако с течением времени этот фактор терял свою значимость, и на первый план выходили другие. Предубеждения появляются как защитная реакция на этническую группу, кажущуюся субъекту конкурентной как обоснование своих действий, приносящих выгоду, обоснование коллективных преимуществ какой-либо этнической группы.

Таким образом, этнические стереотипы — это обобщения о представителях различных этнических групп, характеризующиеся повышенной эмоциональностью и устойчивостью, но не всегда адекватно отражающие реальные черты стереотипизируемой группы. Причина образования стереотипов состоит в необходимости использовать в повседневном мышлении принцип «экономии усилий» для «овладения» большим количеством информации при одновременном стремлении к защите групповых ценностей. Будучи элементом национальной психологии, этнические стереотипы формируются как на уровне обыденного, так и теоретического сознания и представляют собой синтез эмоциональных, рациональных и волевых элементов.

ЛИТЕРАТУРА

В.П. Трусов, А.С. Филиппов. Этнические стереотипы// Этническая психология. Сборник научных трудов. – Москва: Университет дружбы народов, 1984. Стр. 3-21.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Г.У. Солдатова

Социальная напряженность — феномен XX века. Он связан не только с общественными кризисами, но и с ускоряющимся темпом жизни, с возрастающей стрессовой нагрузкой, с ухудшением экологии. Поэтому понятие «социальная напряженность» в научной литературе используется в достаточно широком диапазоне: от определения как естественного параметра, характеризующего функционирование любой социальной системы, до рассмотрения как специфического состояния, возникающего только в периоды социальных изменений. Последнее направление представляет главную традицию исследования социальной напряженности в западной социологической, социально-психологической и конфликтологической литературе. Это означает развитие содержания социальной напряженности во взаимосвязи с понятиями социальной дезинтеграции, девиации (в отношениях нестабильного общества), аномии (в отношении нестабильного общества), утраты социальной идентичности, классовой борьбы, межэтнических столкновений и социальных кризисов. Общее для большинства таких исследований рассмотрение неопределенности как исходной точки развития социальной напряженности.

В России о феномене социальной напряженности заговорили лишь к концу нашего века. В связи с возникновением аналогичных явлений в постсоветском пространстве в первой половине 1990-х гг. определился устойчивый интерес отечественных ученых к ее исследованиям и измерению. В.И. Руковишников определяет социальную напряженность как понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера. Рассматривая проявления напряженности прежде всего на социально-психологическом уровне, он выделяет следующие характерные для нее признаки: неудовлетворенность существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни, социальным порядком в широком смысле слова; утрата доверия к властям, рост пессимизма, усиление циркуляции слухов в обществе, возникновение атмосферы массового психического беспокойства и эмоционального возбуждения; усиление вынужденных и добровольных миграций, активизация различных общественно-политических движений и усиление борьбы за власть, активизация массовых действий — митингов, демонстраций, забастовок²³.

Межэтническая напряженность — это форма социальной напряженности, трансформация которой в межэтническую является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества. Интенсификация этого

---

²³ Руковишников В.И. Социальная напряженность // Диалог. - 1990. - №8. - С. 7-11.

процесса в республиках России пришлась на самое начало 1990-х гг. Его основой стал рост социальной напряженности как результат глобальной трансформации общества и связанного с этим ухудшения общего социально-экономического благополучия. Основные признаки социальной напряженности при ее трансформации в межэтническую приобретают отчетливую этническую специфику. Усиление межэтнической напряженности определялось и региональной спецификой и влиянием общих для всей страны внешних и внутренних факторов²⁴.

При сравнении различных взглядов на исследование социальной напряженности выделяется несколько общих положений, на базе которых выстраиваются основные принципы социально-психологического подхода к изучению межэтнической напряженности как формы социальной напряженности.

Трактовка социальной напряженности в отечественной науке все более определенно приобретает субъектно-деятельностный характер. Реальными носителями напряженности выступают социальные объекты — индивиды и социальные группы. В контексте межэтнических отношений субъектами межгруппового взаимодействия являются этнические группы или народы.

Межэтническая напряженность — это итоговое нарушение баланса взаимоотношений на всех уровнях поликультурного общества, в результате которого происходит раскол массового сознания на множество этнических идентичностей, и межэтнические отношения переструктурируются согласно новым социальным условиям. От того, насколько тесно связаны между собой подсистемы общества, зависит скорость иррадиации напряженности внутри него²⁵.

Возникновение состояния напряженности связано с осознанием «противоположного» субъекта взаимодействия. В последней редакции словаря С.И. Ожегова напряженность — это «неспокойное, чреватое опасностью или ссорой состояние каких-нибудь отношений». Оппозиция или ссора могут возникнуть на основе несовместимости социальных ценностей, несоответствия между компонентами действий, несоответствие целей и стратегий межгруппового поведения в структуре общества, разрыва между ожидаемым удовлетворением потребностей и действительным их удовлетворением.

Нарастание социальной напряженности активизирует процесс формирования «образа врага» — выявление и идентификацию предполагаемых виновников групповых состояний неудовлетворенности, вызванных негативными процессами в обществе (Rieber, Kelly, 1991). В соответствии с известной психологической закономерностью внутренние враги в бывшем СССР нашлись в лице соседей — других этнических групп.

---

²⁴ Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. С. 16-47.

²⁵ Давыдов А.А. Измерение социальной напряженности. М., 1992.

Исследования социальной напряженности в рамках теории социального стресса определяют ее как результат «общего адаптационного синдрома», возникающего на групповом уровне в ответ на внешние неблагоприятные воздействия. В связи с этим в качестве основной функции межэтнической напряженности выделяется функция адаптация группы в кризисных условиях на основе этничности, как сложной смеси менталитета и культуры. С этой точки зрения межэтническая напряженность отражает не только изменения в структуре межэтнических отношений, но и внутренние процессы мобилизации и самоорганизации этнической группы в переходный период ее развития.

Подход к исследованию межэтнической напряженности на основе вышеизложенных принципов предполагает ее рассмотрение в качестве важнейшей социально-психологической характеристики развития межэтнических отношений и взаимодействий. Межэтническая напряженность — это многоуровневый, многосубъектный феномен, энергетическая характеристика социальной системы, элементами которой являются различные этнические группы. Некоторые из них находятся в оппозиционном взаимодействии и воспринимаются друг другом как виновники групповой неудовлетворенности.

Межэтническая напряженность охватывает все этапы развития противоречий между этническими группами. Другими словами напряженность может возникнуть задолго до конфликта и влиять на межэтнические отношения еще длительное время после его разрешения.

Конфликт в этом случае — она из стадий межэтнической напряженности, наряду с расхождениями, спорами, противоречиями и любыми другими межэтническими проблемами. Конфликт зарождается, вызревает и затухает в психологическом поле межэтнической напряженности, которое в значительной степени формируется под влиянием целенаправленной политики, осуществляемой национальными элитами. Поэтому по отношению к этническому конфликту межэтническая напряженность выступает как более родовое понятие.

История показывает, что состояние межэтнической напряженности можно легко усугубить извне, если, например, неблагоприятные внешние условия представить как ущемляющие интересы этнической группы, дестабилизирующие состояние и затрудняющие ее развитие. Сложнее регулировать и снижать уровень межэтнической напряженности. Для этого необходимо понимать общие социально-психологические закономерности развития взаимоотношений между народами, их существующие и зарождающиеся потребности, связь с прошлым, социокультурные и психологические характеристики. Достижение такого понимания возможно через реализацию феноменологического подхода к исследованию психологической природы группового взаимодействия.

Феноменологическое поле межэтнической напряженности — это особые конструкты межэтнического взаимодействия. Среди них системы представлений, этнические образы, установочные образования, ценностные ориентации, в совокупности отражающие психологические состояния этнических групп. Под

влиянием роста межэтнической напряженности они либо трансформируются, либо реанимируются из прошлого как продукты неблагоприятных межэтнических отношений. Психологические конструкты феноменологического поля межэтнической напряженности выполняют самостоятельную регулятивную функцию в межэтнических отношениях. Они являются опорным и необходимым знанием и для понимания психологической природы этнонационализма, и для эффективного осуществления переговоров, посредничества и консультирования в ситуациях межэтнической напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
С. 10-17

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Ю.П. Платонов

Анализируя историю последних столетий, можно определить их как вехи развития цивилизации. Так, если XIX век — это век территориальной экспансии, создания колониальных империй, XX — век идеологической экспансии, противостояния антагонистических идеологий, то XXI век, вероятно, будет веком этнодемографической экспансии. При этом этнодемографическую экспансию можно понимать как стремление к власти этносов с высокой демографической продуктивностью (наглядная иллюстрация — захват исконной сербской территории Косово албанцами). И территориальная, и идеологическая, и этнодемографическая экспансия сопровождается столкновениями, борьбой за ресурсы, неизбежно перерастая в конфликт.

Питирим Сорокин подсчитал, что за 24 века истории человечества на четыре мирных года приходится один год, сопровождающийся насильственными конфликтами — войнами, революциями, бунтами, которые считаются социальными конфликтами. Социальные конфликты обычно разделяются на:

- *политические* – борьба за власть, доминирование, влияние, авторитет;
- *конфессиональные* – за право исповедовать ту или иную религию;
- *социально-экономические* – «между трудом и капиталом» (между профсоюзами и работодателями);
- *этнические* – за права и интересы этнических общностей.

Принципиальный вопрос понимания специфики межэтнических конфликтов – это вопрос о их связи с самим феноменом этничности: является ли связь между ними сущностной, заложенной в этническом многообразии человечества, или она сугубо функциональна? Если считать истинным первый подход, то тогда сербов и албанцев, ингушей и осетин, арабов и евреев, армян и азербайджанцев следует признать «несовместимыми». Если сходить из второго, то надо сделать вывод: не

этничность составляет суть таких конфликтов, она — форма их проявления. Так, молдаване говорят, что у них нет конфликта с русскими или украинцами, это просоветский режим сопротивляется в Приднестровье. Чеченские события многие считают не межэтническим конфликтом, а криминальным переделом собственности. Просто в конфликтных ситуациях обнажаются противоречия, которые существуют между общностями людей, консолидированными на этнической основе. Далекое не в каждый конфликт бывает вовлечен весь этнос, это может быть его часть, группа, которая ощущает или даже осознает противоречия, ведущие к конфликту. В реальности мы встречаемся со взаимопроникающими конфликтами, каждый из которых составляет питательную среду для другого. Не случайно даже специалисты-конфликтологи часто не могут прийти к единому мнению, с каким конфликтом имеют дело — с этническим в политическом камуфляже или наоборот.

Межэтнические конфликты множественны по своей природе. Исследователи предлагают самые разные классификации межэтнических конфликтов. При классификации по целям, которые ставят перед собой вовлеченные в конфликт стороны в борьбе за ограниченные ресурсы, их можно подразделять на:

- социально-экономические, при которых выдвигаются требования гражданского равноправия (от прав гражданства до равноправного экономического положения);
- культурно-языковые, при которых выдвигаемые требования затрагивают проблемы сохранения или возрождения функций языка и культуры этнической общности;
- политические, если участвующие в них этнические меньшинства добиваются политических прав (от автономии местных органов власти до полномасштабного конфедерализма);
- территориальные – на основе требований изменения границ, присоединения к другому — «родственному» с культурно-исторической точки зрения — государству или создания нового независимого государства.

Кроме целевого подхода природу межэтнических конфликтов можно рассматривать с точки зрения структурных изменений в обществе как основы противоречий, приводящих к конфликтам. Этносоциологи считают, что в основе межэтнической напряженности лежат процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов. Эти процессы привели к тому, что в прежних видах деятельности нарастала конкуренция между титульными и другими этносами. Иллюстрацией может служить позиция русских в союзных республиках, у титульных этносов которых к концу 70-х годов не только сформировалась полиструктурная интеллигенция, но и сложились новые ценностные представления, в том числе о самодостаточности и важности большей самостоятельности. Такие представления не совпадали с теми, которые были у русских в этих республиках. Большинство из них приехали туда с установкой

помогать местному населению, а следовательно они и ощущали себя по статусу выше титульных народов.

Нередки случаи ложного этнического конфликта, когда реальный конфликт интересов между группами отсутствует, но они имеют самые тяжкие последствия. Так, например, ученые не смогли объяснить почему летом 1988 г. погромам подверглись именно турки-месхетинцы, а не иные этнические меньшинства, населявшие Ферганскую долину.

В психологии считается, что причины этнических конфликтов должны рассматриваться в рамках более общих теорий. При этом следует отметить, что почти все психологические концепции явно или неявно учитывают социальные причины межгрупповых конфликтов и причины социальной конкуренции и враждебности, проявляющиеся в действиях и представлениях.

Автор одной из первых социально-психологических концепций В. Макдугалл (1871-1938) приписывал «инстинкту драчливости». Подобный подход называют гидравлической моделью, так как агрессивность, по мысли Макдугалла, не является реакцией на раздражение, а в организме человека присутствует некий импульс, обусловленный его природой.

Гидравлическая модель психики лежит в основе идеи З. Фрейд (1856-1939) о причинах войн в человеческой истории. Фрейд считал, что враждебность между группами неизбежна, так как конфликт интересов между людьми в принципе разрешается только посредством насилия. Человек обладает деструктивным влечением, которое первоначально направлено внутрь (влечение к смерти), но затем направляется на внешний мир, следовательно, благотворно для человека. Враждебность благотворна и для вовлеченных в нее групп, так как способствует стабильности, установлению чувства общности у их членов. Именно благотворность враждебности для человека, группы и даже объединений групп, по мнению Фрейда, приводит к неизбежности насилия.

Главный тезис творца третьей гидравлической модели — этолога К. Лоренца (1903-1989) — состоит в том, что агрессивное поведение людей является следствием биологически заданной агрессивности. Но если у хищников агрессия служит сохранению вида, то для человека характерна внутривидовая агрессия, направленная на враждебных соседей и способствующая сохранению группы.

Опираясь на идеи З. Фрейда, Т. Адорно (1903 - 1969) объясняет отношения к чужим группам особенностями социализации ребенка в раннем детстве, в частности амбивалентностью эмоциональных отношений в семье. У человека, воспитанного в семье, где царят формальные, жестко регламентированные отношения, часть агрессивности выплескивается на тех, с кем индивид себя не идентифицирует, т.е. на внешние группы.

В дальнейшем был описан новый антропологический тип, названный авторитарной личностью, среди черт которой кроме неприятия чужих групп были выделены и другие характеристики: слепое следование авторитетам, механическое подчинение общепринятым ценностям, агрессивность и т.д.

Сторонники этого подхода воздерживаются от выводов о преобладании авторитарных личностей у какого-либо народа, подчеркивая, что большая часть населения «срединна». Но они считают, что социальные условия могут способствовать тому, что авторитарная личность становится на какое-то время типичной в той или иной стране, как она стала типичной для Германии после поражения в первой мировой войне.

Теория реального конфликта исходит из предположения, что межгрупповые конфликты есть результат несовместимых групповых интересов, когда только одна из взаимодействующих групп может стать победительницей, причем в ущерб интересам другой. В социальной психологии наиболее известный сторонник этой точки зрения — американский ученый М. Шериф. Он выдвинул предположение, что функциональная взаимозависимость двух групп в форме конкуренции непосредственно ведет к враждебности, которая проявляется в негативных стереотипах и социальных установках, а также в росте групповой сплоченности. А вместе с тем это приводит к враждебным действиям. Это единственный подход к анализу межгрупповых конфликтов, в котором причина межгрупповой враждебности (реальный конфликт интересов) рассматривается одновременно и ее причиной.

В 60-70 годы британскими социальными психологами во главе с А. Тэшфелом были получены впечатляющие результаты, продемонстрировавшие, что несовместимые групповые цели не являются обязательным условием для возникновения межгрупповой конкуренции и враждебности. Достаточным основанием может оказаться осознание принадлежности к группе, т.е. социальная идентичность и связанные с ней когнитивные и перцептивные процессы. Данный подход получил название теории социальной идентичности²⁶.

С психологической точки зрения конфликт не только не начинается с началом конфликтных действий, но и не заканчивается с их окончанием. После завершения прямого противодействия конфликт может сохраняться в форме социальной конкуренции и проявляться в образе врага и предубеждениях.

Поиск «козлов отпущения» в ходе этнических конфликтов осуществляется с помощью механизма социальной каузальной атрибуции. В мировой истории мы встречаемся с бесчисленным количеством примеров агрессивного поведения, прямо направленного на членов чужой группы, которые воспринимаются ответственными за негативные события — эпидемии, голод и другие несчастья. Например, в средневековой Европе убийства евреев объяснялись их злодеяниями в распространении эпидемии чумы. Следовательно, с помощью атрибуций группы большинства оправдывают совершаемые или планируемые действия против «чужаков».

Вариантом социальной каузальной атрибуции выступает атрибуция заговора. На основе атрибуций заговора строится все многообразие концепций заговора. Можно выделить общие для всех концепций заговора черты. Обычно

---

²⁶ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000. С. 265.

они возникают в ситуации экономического, социального, политического кризиса и бедствий типа эпидемии. Подчеркивается групповой характер заговора – вредителями объявляются группы меньшинств. Очень часто в качестве «заговорщиков» выступают группы этнических меньшинств.

Таким образом, под этническим конфликтом в широком смысле слова следует понимать любую конкуренцию между этносами (или этническими группами) – от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до конкуренции социальной — во всех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов.

Часто на бытовом уровне, да и в профессиональной среде, можно слышать: вот если бы у нас не было экономических трудностей и «все жили бы хорошо», то никаких этнических конфликтов не было бы. Но и в Канаде, и в Бельгии, и во Франции люди живут неплохо, а межэтническая напряженность есть. В перечисленных государствах, не говоря уже о бывших советских республиках, межэтническая напряженность имеет разную модальность. Она может проявляться в диапазоне от скрытой фоновой напряженности до агрессии и насилия в отношениях между народами. Этнопсихолог Г.У. Солдатова выделила четыре фазы межэтнической напряженности: латентную, фрустрационную, конфликтную и кризисную²⁷.

Латентная фаза напряженности — это в целом нормальный психологический фон не только этноконтактных, но и любых других ситуаций, связанных с элементами новизны или неожиданности, например, ситуации знакомства, узнавания человека с новой стороны. Латентная фаза межэтнической напряженности существует в любом, даже самом гармоничном обществе, где есть признанное деление на этнические группы.

Данная ситуация предполагает позитивные отношения. Это означает, что если в обществе и существуют локальные массовые состояния неудовлетворенности, то их причины обычно не связываются с отношениями между народами. В структуре массового сознания доминирует этническая идентичность по типу «нормы». В иерархии элементов социального восприятия «национальность» главенствует очень редко. Но даже на этом уровне отсутствует эмоциональная нейтральность. Переход социальной ситуации в новую плоскость межгрупповых отношений уже задает начальный уровень эмоциональной напряженности.

Стремительность роста межэтнической напряженности может определяться динамикой социально-политических процессов. Так случилось в бывшем СССР, где латентная напряженность, при всей внешней благопристойности межэтнических отношений, вдруг обнаружила свой мощный взрывной потенциал в условиях кардинальных социально-экономических изменений в обществе.

---

²⁷ Солдатова Г.У. психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 145-158.

Фрустрационная фаза напряженности имеет в своей основе ощущения гнетущей тревоги, отчаяния, гнева, раздражения, разочарования. Негативные переживания повышают степень эмоциональной возбужденности людей. На этой стадии напряженность становится зримой, прорываясь наружу в формах бытового национализма, которому соответствуют появление и широкое распространение в обществе уничижительных групповых характеристик (например, «лицо кавказской национальности», «черные», «кепки» и т.д.), возрастание популярности анекдотов на национальные темы, учащение конфликтных межличностных эпизодов на национальной почве. Фрустрационная напряженность как бы зреет во внутригрупповом пространстве, постепенно проникая и в межгрупповые отношения.

Главный признак фрустрационной напряженности — рост эмоционального возбуждения. Увеличение количества фрустрированных личностей повышает уровень аффективной заряженности общества. Фрустрация как групповое психическое состояние влияет на формы и векторы формирования этнической идентичности. Развитие массовых процессов психической инфляции определяет трансформацию группового этнического самосознания в сторону гиперидентичности. В результате становится возможным «запуск» процессов эмоционального заражения и подражания. Формируются психические пограничные состояния массовой невротизации, фрустрации, которые требуют психической разрядки.

Наращение интенсивности фрустрационной напряженности напрямую связано с уровнем социальной напряженности в обществе и ее трансформацией в межэтническую. Последнее означает, что в качестве источника фрустрации начинают выступать другие этнические группы. В результате различные препятствия, возникающие при осуществлении жизненно важных потребностей, начинают связываться с этнической принадлежностью.

И хотя еще не конкретизирован реальный конфликт интересов, групповые позиции уже поляризованы. Этнические границы становятся ощутимыми, уменьшается их проницаемость. Растет значимость в межэтнической коммуникации языковых, культурных и психологических факторов. На этом этапе в массовом этническом самосознании закладываются основные психологические оси межэтнической напряженности: зависимость, ущемленность, несправедливость, враждебность, соперничество, страх, недоверие.

Конфликтная фаза напряженности имеет рациональную основу, так как между противоборствующими сторонами на этом этапе возникает реальный конфликт несовместимых целей, интересов, ценностей и соперничество за ограниченные ресурсы. Рост межэтнической напряженности формирует межгрупповое взаимодействие преимущественно по типу соперничества, которое определяет рост антагонизма между группами.

В ситуации конфликта межэтническая напряженность становится все более активной. Это именно такая раздражающая ситуация, которая провоцирует разрядку социальной агрессивности. На данном этапе процессы группового переструктурирования и этнической мобилизации группы резко ускоряются и достигают наибольшей определенности. Единичные случаи проявления бытового негативизма сменяются массовыми. Межэтническим конфликтам всегда сопутствуют вынужденные мигранты. Они главный источник появления в обществе группы лиц, которых называют невротиками-этнофобами. У них снижена фрустрационная устойчивость, затруднены взаимоотношения с широким кругом лиц. В условиях продолжительной психотравмирующей ситуации невротики-этнофобы пополняют ряды националов.

Кризисная напряженность возникает тогда, когда межэтнические конфликты уже невозможно урегулировать цивилизованными методами и в то же время они требуют немедленного разрешения. Ее главные отличия — страх, ненависть и насилие. Ненависть и страх тесно связывают этнические группы и становятся ведущими двигателями поведения, а насилие превращается в главную форму контроля сторон друг за другом. Поэтому данную фазу межэтнической напряженности можно обозначить как насильственную. В кризисной ситуации психическая инфляция достигает своих крайних форм и по силе и по широте охвата. Это выражается в массовых тенденциях формирования этнического самосознания по типу радикальных форм гиперидентичности: этноизоляционизма и национального фанатизма. По уровню гиперидентичности впереди идут вынужденные мигранты — переселенцы и беженцы.

Важнейшим индикатором состояния межэтнических конфликтов является его форма. Самый простой принцип определения формы межэтнического конфликта - это отнесение его к ненасильственному или насильственному. На территории Южной Европы, Российской Федерации и стран ближнего зарубежья выделяют две формы насильственных конфликтов:

Региональные войны, то есть вооруженные столкновения с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения. Это Карабахский, Абхазский, Таджикский, Южноосетинский, Приднестровский, Чеченский конфликты; война между бывшими республиками Югославии.

Краткосрочные вооруженные столкновения, длящиеся несколько дней и сопровождающиеся жертвами. К ним относятся, в частности, столкновения в Фергане, Оше и другие. Такие столкновения называют «конфликтами-бунтами», «конфликтами-погромами», «конфликтами неуправляемых эмоций».

Ненасильственных конфликтов на постсоветском пространстве насчитывается более 100. Среди них достаточно четко выделяются *институциональные* конфликты, когда в противоречие приходят нормы конституций, законодательства, реализующие идеологемы конфликтующих сторон. Еще одна форма – *манифестирующие конфликты*, к числу которых следует отнести митинги, демонстрации, голодовки, акции «гражданского

неповиновения». Наконец, существует *идеологическая* форма конфликтов, когда разгорается «конфликт идей». Характерной чертой таких конфликтов является выдвижение тех или иных притязаний. В литературе, СМИ обосновывается «историческое право» на государственность (Литва, Грузия, Татария, другие республики СССР), на территорию (Армения, Северная Осетия, Ингушетия).

От типа и формы конфликта зависят возможности и способы его регулирования. Методом ослабления конфликта является *деконсолидация сил*, участвующих в конфликте, с помощью системы мер, которые позволяют отсечь (например, путем дискредитации в глазах общественности) наиболее радикальные элементы или группы и поддержать силы, склонные к переговорам. Когда говорят об *информационном пути* разрешения конфликтов, имеется в виду взаимный обмен информацией между группами с соблюдением условий, способствующих изменению ситуации. При этом чрезвычайно важно содержание информации в средствах массовой информации при освещении острых конфликтов, так как даже нейтральные, с точки зрения стороннего наблюдателя, сообщения могут привести к вспышке эмоций и эскалации напряженности.

В разрешении конфликтной ситуации наиболее эффективно *прерывание конфликта*, которое позволяет расширить действие прагматических подходов к его урегулированию. И что тоже очень важно, в результате этого меняется эмоциональный фон конфликта, снижается накал страстей, идут на спад психозы, ослабевают общая консолидированность групп, участвующих в конфликте.

Особые правила существуют и в переговорном процессе. Для того чтобы добиться успеха, его важно прежде всего прагматизировать. Прагматизация переговоров состоит в разделении глобальной цели на ряд последовательных задач. Обычно стороны бывают готовы заключить договоренности по жизненно важным потребностям, по поводу которых и устанавливают перемирия: для захоронения погибших, обмена пленными. Затем переходят к наиболее актуальным экономическим, социальным вопросам. Политические вопросы, особенно имеющие символическое значение, решают в последнюю очередь.

Переговоры должны вестись таким образом, чтобы каждая сторона стремилась найти удовлетворительные решения не только для себя, но и для партнера: сменить модель «выигрыш-проигрыш» на модели «выигрыш-выигрыш». Каждый шаг в переговорном процессе следует закреплять документально. Полезным считается участие в переговорах посредников и медиаторов. В особо сложных ситуациях легитимацию договоренностям придает участие представителей международных организаций. Урегулирование конфликтов – это всегда очень сложный процесс, граничащий с искусством. Поэтому все усилия должны быть сконцентрированы на предупреждение конфликтов. Ведь даже худой мир всегда предпочтительнее доброй ссоры, особенно в межэтнических отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

Платонов Ю.П. *Народы мира в зеркале геополитики*. СПб., 2000. С. 334-372.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Н.М. Лебедева

Проблема адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде, несмотря на обилие эмпирических исследований в западной кросс-культурной психологии, до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных. Общим положением является мнение, высказываемое большинством ученых, о стрессогенном воздействии новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения, о том, что контакт с иной культурой вызывает нарушение психического здоровья, более или менее выраженное психическое потрясение, для обозначения которого в кросс-культурной психологии введен термин «культурный шок». А. Фэрнхем и С. Бочнер дают определение данному понятию: «Культурный шок – это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры»²⁸.

Антрополог К. Оберг выделил 6 аспектов культурного шока: напряжение, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации; чувство потери или лишения (друзей, статуса, профессии, собственности); чувство отверженности представителями новой культуры или отвержение их; сбой в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, чувствах и самоидентификации; неожиданная тревога, негодование, отвращение в результате осознания культурных различий; чувство неполноценности от неспособности «совладать с новой средой».

К. Оберг пишет, что каждая культура имеет множество символов социального окружения, как вербальных так и невербальных способов общения, с помощью которых мы ориентируемся и действуем в ситуациях повседневной жизни, и что наш душевный мир зависит от этих сигналов, многие из которых мы даже не осознаем. И когда вся эта незримая система свободной ориентации в мире внезапно становится неадекватной в условиях новой культуры, человек испытывает глубокое нервное потрясение. К. Оберг описывает некоторые симптомы культурного шока: частое мытье рук, чрезмерная забота о пище, боязнь физического контакта с представителями новой культуры, чувство беспомощности и желание покровительства представителя собственной национальности, долго прожившего в этой культуре, страх быть обманутым. Все это вместе – реакция психологической защиты от новой информации, наплыв

---

²⁸ Furnham F., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments, L.E. N.Y., 1986.

которой так огромен, что человек в течение какого-то времени чувствует себя бессильным справиться с этим.

Исследователи, работавшие после Оберга, рассматривали культурный шок как нормальную реакцию, как часть процесса адаптации к культурному стрессу и проявление стремления к более понятной, стабильной и предсказуемой среде.

Согласно литературным данным, по существу, все люди подвержены «культурному шоку» в какой-то степени, и он почти всегда ощущается как неприятный и, во всяком случае, стрессогенный. Некоторые люди могут не испытывать негативных аспектов культурного шока, более того, они могут находить в нем своеобразное наслаждение. Искатели приключений, например, могут вовсе не ощущать негативных эмоций, а напротив, наслаждаться сильным возбуждением от незнакомого. Некоторые исследователи считают, что, хотя культурный шок часто ассоциируется с негативными последствиями, в малых дозах он может быть важным для саморазвития и личностного роста.

Огромное число исследований можно свести к двум глобальным выводам:

1. Согласно данным, часто, но не всегда, среди мигрантов больше психических заболеваний, чем среди коренных жителей. Есть ряд исключений из этого правила, но в целом данные многочисленных исследований подтверждают этот вывод.
2. Существуют важные различия между группами мигрантов как в отношении степени, так и в отношении типа психических расстройств, которыми они страдают. Например, британцы в Австралии имеют относительно более высокий уровень алкоголизма (по сравнению с коренным населением), в то время как выходцы с запада Индии в Англии имеют высокую частоту случаев заболевания шизофренией.

В кросс-культурной психологии существует ряд концепций или теорий, так называемых «традиционных» и современных, которые пытаются объяснить связь между миграцией и психическим здоровьем. Остановимся вкратце вначале на четырех «традиционных» теориях.

Первая – выросшая в рамках психоаналитической традиции – это теория *страдания* (горя) или лишения (утраты), которая рассматривает миграцию как опыт утраты (социальных связей, близких, положения, имущества и т.д.). Стрдание – это общая стрессогенная реакция на действительную или воображаемую потерю значимого объекта или роли, которая может быть преодолена в случае установления новой личностной связи или приобретения нового объекта взамен утраченного. Предполагается, что можно провести аналогию между миграцией и потерей, вызывающей реакцию типа горя или страдания. Однако эта теория имеет заметные ограничения – предполагается, что все мигранты испытывают негативные, подобные страданию реакции, однако есть случаи, когда для некоторых людей миграция – счастливый выход. Во-вторых, данная концепция не делает специфических предсказаний, какой тип людей страдает больше или меньше от утраты, как долго и в какой форме страдание

будет переживаться. И, в-третьих, для страдающих людей необходима психологическая консультация, в то время как мигранты больше нуждаются в адекватной информации.

Вторая теория, объясняющая связь между миграцией и психическим здоровьем, основана на *локусе контроля*. Она исходит из постулата, что люди с интернальным локусом контроля, которые считают себя ответственными за все с ними происходящее, адаптируются легче и быстрее, чем люди с фаталистическими наклонностями, которые считают, что все, с ними происходящее, - есть результат действия рока или воли других людей. Но, согласно эмпирическим данным, это не всегда так, например, Р. Кочрейн установил, что, хотя индийцы и происходят из «фаталистической» культуры, адаптируются они в Англии обычно хорошо²⁹.

Третья теория - *селективной миграции* — одна из наиболее старых и популярных. Неодарвинистская идея селективной миграции - это развитие принципа естественного отбора, по которому все живые организмы лучше приспособляющиеся к среде, становятся доминирующим типом, таким образом, люди, «отобранные» для новой среды, лучше «совладают» с ней, чем другие. У этой теории также есть ряд ограничений — неясно, какие препятствия являются «отборочными» для адаптации, и довольно трудно определить настоящую природу адаптивных отборов как в стране выхода, так и в стране нового места жительства. Идея эта достаточно популярна и при исследовании миграции в нашей стране, так, например, Ф.Б. Березин считает, что селективные процессы влияют на эффективность популяционной адаптации благодаря тому, что в миграционный поток вовлекаются личности преимущественно определенных типов, в частности обладающие акцентуированными личностными чертами³⁰.

Четвертой является *теория ценности ожиданий*, которая утверждает, что адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой стране прямо влияет на их адаптацию. Есть ряд факторов, подтверждающих, что низкие ожидания приводят к лучшему приспособлению.

Существуют современные теории культурного шока, которыми, в основном, пользуются исследователи для интерпретации полученных эмпирических данных. Ни одна из теорий не в состоянии объяснить все или хотя бы большинство различий в адаптации переселенческих групп, но каждая из них базируется на факторах, которые очень важны для понимания связи между переселением в новую среду и культурным шоком.

Согласно *теории негативных жизненных событий*, опыт больших перемен приводит к психическим и физическим заболеваниям. Хотя эта теория носит скорее описательный, чем объяснительный характер, она интересна тем, что указывает на значительные культурные расхождения в стрессогенности наиболее

---

²⁹ Cochrane R. The Social creation of mental illness. I. 1983.

³⁰ Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.

значимых жизненных событий; существуют шкалы для разных культур, где одни и те же события воспринимаются и оцениваются по-разному.

Теория ценностных различий объясняет культурный шок столкновением разных систем ценностей. При этом считается, что степень различий в ценностях между страной выхода и страной поселения мигрантов прямо пропорциональна количеству трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации. Были попытки составить своеобразную «карту мира» по типам ведущих ценностей.

1. США, Великобритания – стремление к личному успеху, благополучию и самоактуализации.
2. Япония, немецкоязычные страны, некоторые латиноамериканские страны и Греция – личная безопасность, ценности — благосостояние и усердная работа.
3. Франция, Испания, Португалия, Югославия, Чили — групповая солидарность.
4. Страны Северной Европы, Нидерланды – качество человеческих связей в среде проживания.

Однако *теория ценностных различий*, характеризуя ряд важных аспектов культурного шока, не может вскрыть его механизмов и научить с ним справляться.

Одна из наиболее интересных и глубоких теорий, пытающихся объяснить механизм культурного шока, – *теория социальной поддержки*. Суть этой теории заключается в том, что поддержка со стороны других людей препятствует психическим расстройствам и обеспечивает психологический комфорт личности. Предполагается, что при миграции человек теряет значимые социальные связи, поддерживающие его в прошлом, и это деструктивно сказывается на его психическом здоровье. А. Фарнхем и С. Бочнер считают, что поддержка может иметь разные направления, содержать эмоциональный, «инструментальный» (помощь в поведении) и информационный компоненты. Разные направления социальной поддержки могут быть важными для разных людей в различные периоды жизни. Так, мигранты в иную культуру могут вначале больше нуждаться в информационной поддержке, затем — в инструментальной, а затем — в эмоциональной поддержке. О важности развитой сети социальной поддержки для адаптации мигрантов к новой культурной среде говорят многочисленные исследования.

Некоторые исследователи высказывают идею о том, что, возможно, мигрантам первоначально лучше жить в больших группах соотечественников, а потом, через определенный период времени, их или их детей можно поощрять к более интенсивному социальному, политическому и культурному интегрированию с коренными жителями. Однако, как отмечают А. Фарнхем и С. Бочнер, многие службы, связанные с иммигрантами, пытаются запретить им жить в гомогенных национальных группах, т.к. считают, что это мешает адаптации и ассимиляции и может даже послужить причиной этнических предубеждений.

Многие исследователи указывают на связь между научением и личностным ростом. Высказано предположение, что люди, которые ощущают себя комфортно

более чем в одной культуре, интеллектуально и эмоционально больше удовлетворены жизнью, чем монокультурные индивиды. Кроме того, многими экспериментами подтверждается, что дети, перемещенные в насыщенную, сложную и изменчивую среду, впоследствии лучше выполняют целый ряд интеллектуальных и когнитивных задач, чем дети выросшие в однообразной и сенсорно ограниченной среде.

Существует также веское предположение о связи между этноцентризмом и одноязычием, и если это так, возможны практические меры для снижения этнической предрешенности. Также считается, что опытные и умелые в культурных контактах личности имеют в своем арсенале большой набор возможностей совладания с жизненными проблемами, т.е. это способствует повышению адаптивных возможностей индивида. Из этого С. Бочнер делает вывод, что индивиды, овладевшие навыками многих культур, являются представителями человечества в будущем, т.е. благодаря возрастанию количества кросс-культурных контактов мир продолжает «сжиматься».

Размышление над проблемой «культурного шока» в личностном преломлении, т.е. почему жизнь в иной культуре для мигранта поначалу столь болезненна, вызывает психологическое потрясение привело меня к определенным взглядам на психологическую природу данного явления. «Культурный шок» возникает, по моему мнению, не только и не столько потому, что среда вдруг становится непредсказуемой и возникает опасность для жизни вследствие неадекватного поведения. Столь острые ситуации встречаются довольно редко. Суть, как мне кажется в том, что ты вдруг ощущаешь, что можно жить и без твоего привычного знания и понимания мира, что оно не универсально. Что люди вокруг живут по своим законам и представлениям, нимало не заботясь о том, как ты их при этом воспринимаешь и оцениваешь. Что много лет они жили без твоего знания и будут жить вне его. Ты понимаешь, что все, что ты знал, во что верил, здесь не имеет смысла и надо либо переосмыслить весь свой опыт и все свое знание в свете того общего, единого, что есть во всех человеческих культурах, и базируясь на нем, овладеть необходимыми социальными навыками жизни в этой культуре, либо замкнуться в себе, страдая от непонятости, от ненужности, которая сопровождается резким падением самооценки, а защищать ее в одиночку — дело весьма трудное. Поэтому и нужна мигранту защитная оболочка в виде близкого круга соотечественников, представителей своей культуры, поэтому так необходима уверенность в позитивной групповой идентификации, которая является основой этнической толерантности.

Проблема «культурного шока» — это проблема личностного роста, ломки жизненных стереотипов, требующая громадной затраты личностных ресурсов. Но то, что приобретается в результате этой работы — бесценно: рождается новая, осмысленная и выстраданная, личностная картина мира, в которой есть место для культурного многообразия, для его принятия и понимания, в которой меняется масштаб взгляда на мир и общения с ним, в которой снимается фатальность

дихотомии «мы» и «они», появляется устойчивость перед новыми испытаниями, рождается сила для любви и терпимости.

Одновременно, наряду с концепцией «культурного шока» в литературе по миграции появляется концепция о U-образной кривой приспособления, или идея, что переселенцы в иную культурную среду проходят через три основных стадии: начальная стадия приподнятости и оптимизма, за ней следует период фрустрации и депрессии, сменяемый постепенно чувством соответствия и удовлетворения. А. Фэрнхем и С. Бочнер считают, что степень силы и продолжительности «культурного шока» зависит от трех категорий условий:

Культурные различия. Качество, количество и продолжительность психологических трудностей является функцией различий между культурой выхода и культурой поселения мигрантов. Эти различия являются многоплановыми, и, возможно, что две культуры могут быть очень сходными по одному фактору и очень различаться в других.

Индивидуальные различия. Люди различаются в способностях приспособления к новой среде. Должны учитываться демографические и социальные характеристики индивидов. Считается, что молодые, более интеллигентные и образованные люди будут легче приспосабливаться к обычаям местной культуры, чем люди старшего возраста, менее интеллигентные и менее образованные.

Опыт знакомства с новой культурой. Качество обучения новой культуре зависит от опыта «вхождения» в нее, особенно в начале визита. Если мигранты или путешественники «входят» в новую культуру с помощью близких, симпатизирующих данной местности друзей, опыт показывает, что они скорее могут избежать многих проблем, чем если они будут предоставлены сами себе.

Большинство исследователей, работающих в парадигме «культурного шока», считают, что количество различий между культурами стран выхода и стран поселения мигрантов прямо пропорционально количеству трудностей, испытываемых мигрантами в процессе адаптации. Более того, теоретическая и эмпирическая очевидность показывает, что дистанция между культурами страны выхода и страны поселения — основная детерминанта так называемого «культурного шока» или стрессогенности новой культуры.

Исходя из модели «культурного научения», Р. Брислин предлагает пять типов программ кросс-культурной ориентации: тренинг самосознания, в котором личность познает культурные основания собственного поведения; когнитивный тренинг, в котором людям дается информация о другой культуре; тренинг атрибуции, который учит давать характеристики ситуациям, объясняющим социальное поведение с точки зрения другой культуры; поведенческий тренинг; обучение практическим навыкам.

ЛИТЕРАТУРА

Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С. 15-34.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
К построению научной этнопсихологии (<i>В.С. Агеев</i>).....	4
Этногенез и биосфера Земли. Концепция этногенеза (<i>Л.Н. Гумилев</i>).....	7
Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания (<i>В.П. Левкович, Н.Г. Папкова</i>).....	11
Этнокультурные условия социализации (<i>Т.М. Степанова</i>).....	14
Социализация в разных культурах и у разных народов (<i>Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко</i>).....	17
Этническая идентичность: понятие, формирование, модели измерений (<i>Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко</i>).....	21
Этническое самосознание и этническая идентичность (<i>Г.У. Солдатова</i>).....	25
Генезис различных форм выражения этнического самосознания (<i>В.Ю. Хотинец</i>).....	28
Феномен менталитета: психологический анализ (<i>И.Г. Дубов</i>).....	30
Этнические стереотипы (<i>В.П. Трусов, А.С. Филиппов</i>).....	36
Межэтническая напряженность как социально-психологический феномен (<i>Г.У. Солдатова</i>).....	42
Этнические конфликты в зеркале геополитике (<i>Ю.Г. Платонов</i>).....	45
Социально-психологические проблемы этнокультурной адаптации (<i>Н.М. Лебедева</i>).....	53